

Вершители. Часть 1. Посох Велеса

Автор:

[Евгения Кретьова](#)

Вершители. Часть 1. Посох Велеса

Евгения Кретьова

Вершители #1

Победитель спецноминации "Подростковое фэнтези" национальной литературной премии "Рукопись года 2017-2018 гг."

У Кати нет никого ближе матери. Но она исчезает. Следуя за черной кошкой, Катя оказывается в конце 16 века, в сибирском городке Тавда, в доме своей прапрабабушки, знаменитой ведуньи. Ей предстоит опасное путешествие в древний Аркаим – к волхву Стару. А по следам девочки идут охотники за древностями, ведомые застрявшей между мирами ведьмой. К счастью для Кати, среди них есть человек, которому она не безразлична. И, кажется, это первая любовь. Тайны наших славянских корней, удивительные открытия, и любовь, тонкой цепочкой сковавшая два юных сердца.

Евгения Кретьова

Вершители. Часть 1. Посох Велеса

Пролог

Темная фигура сгорбилась над пепелищем. Черные обугленные остовы печей скорбными скелетами замерли над долиной.

– Да будь ты проклята! Ненавижу! – хрипло, словно старуха, подвывала и рвала на себе волосы, черными змеями разлетавшиеся по ветру, молодая женщина, цеплялась за пропитанную пеплом землю.

Ее тело становилось все прозрачнее, рассыпаясь в прах и, смешиваясь с поднимавшимся над выгоревшей деревней смогом, развеивалось над долиной.

Еще минута, и женщина захлебнулась последним, отчаянным в бессильной злобе криком, и растаяла, затерявшись в веках.

Глава 1. Кошка, которой не было

Красноярск. Наши дни

– Что, совсем никого? – пожилой врач со «скорой» внимательно и неодобрительно посматривал на нее из-под широких бровей. Катя в ответ только шмыгнула носом и покачала головой.

– А лет тебе сколько?

– Пятнадцать скоро будет...

– «Скоро», – передразнил врач, – через пару лет, что ли?

Худенькая сероглазая девочка неистово закачала головой, растрепывая свои и без того растрепанные косички:

– Нет, что Вы! Через три дня!

Доктор хмыкнул. Он, помнится, в свои пятнадцать уже на заводе подрабатывал, а эта девчушка, видать, за материнской юбкой все прячется, вон какая напуганная. Словно заблудившийся щенок.

Он вздохнул.

– Для госпитализации оснований нет. Укол твоей маме сделали, температура не должна расти. Но, – он торопливо чиркнул на рецепте номер своего телефона и сунул ей в руку клочок бумаги, – если вдруг станет хуже, звони. Я только на дежурство заступил. Приеду. И не вешай нос, красавица! На пятнадцатилетии твоя мамка плясать будет!

Громко хлопнула входная дверь, на лестничной клетке протяжно скрипнули дверцы лифта.

Ушел.

А она осталась. Вместе с подкрадывающейся все ближе ночью, тревожно тикающими ходиками, и ужасной мыслью, что утро не наступит никогда.

Мама заболела.

Катя заглянула в спальню, плотно прикрыла за собой дверь. Стараясь как можно тише передвигаться по старому скрипящему паркету в холле, прошла в кухню.

– Ничего, все хорошо будет, – прошептала она отбивающим чечетку часам. – Мама поправится, вот увидите.

Она включила чайник. Тот весело зашумел, и его шипение чуточку разбавило равнодушное тиканье механизма. Стало не так страшно.

Город за окном медленно накрывала морозная, сибирская ночь. Если бы не мамина болезнь, они бы сейчас сидели за столом под уютным светом от абажура с золотистой бахромой и Катя слушала бы про далекие страны, где люди ездят на слонах, про джиннов и волхвов, про таинственных существ, населяющих нашу землю: нерасторопных леших, вороватых водяных, жутких кладбищенских мар[1 – Ма?ра – в славянской мифологии призрак, привидение. Персонаж низшей мифологии народов Европы. В европейской мифологии – злой дух, демон, садящийся по ночам на грудь и вызывающий дурные сны, сопровождающиеся удушьем под весом демона.] и коварных анчуток.

Наверно, под впечатлением этих рассказов, которых мама знала миллион, Кате Мирошкиной иногда снились удивительные сны: вот она идет по лесу с прозрачной, молодой еще листвой, а ей навстречу – высокий мужчина, улыбается, протягивает к ней руки, подхватывает, подбрасывает ее высоко над головой и кружит быстро-быстро.

А еще ей снилась пожилая женщина с добрыми, но немного печальными глазами. Такими же, как сейчас у самой Кати в темном отражении.

Тени, словно живые, ложились на вечерний Красноярск, окутывая его в серо-синие сумерки. Мгла уже забралась в темные проулки, подворотни, из них выползла на улицы, нагоняя опоздавших прохожих. Карабкаясь по стенам домов, любопытно заглядывала в окна.

Бархатными тапками ступала она с крыши на крышу и зажигала маленькие фонарики-огни чужих теплых, счастливых квартир.

И те радостно подмигивали Кате, будто приглашая в гости.

Девочке от этого стало так тоскливо; так страшно, что приближается ночь, а мама болеет, и она совсем одна, и помочь некому, что Катя вдруг, сама от себя того не ожидая, заплакала. Да так, как не плакала даже в детстве: в голос, навзрыд. Она никак не могла остановиться, хотя понимала, как глупо это, должно быть, выглядит со стороны.

– Ну, и ладно, ну, и пусть! – причитала она, размазывая по лицу слезы. – Всем все равно! Никому нет дела... Только ма-а-а-ме... А мама... боле-е-е-т.

И тут девочка, похолодев, заметила в оконном отражении, а значит, у себя за спиной, кошку. Обыкновенную черную кошку, пушистую, с большими немигающими глазами и зрачками-щелочками.

Кошку, которой у них с мамой никогда не было.

Катя резко обернулась. Никого. Слезы мгновенно высохли. Вспотевшие ладони сжались в кулак.

Между тем, кошка в оконном отражении с вызовом посмотрела на Катю, нетерпеливо вильнула хвостом, и скрылась за рамой.

Девочка замерла. Негромкое тиканье настенных часов, сопение чайника, шум засыпающего города за стеклом и вдруг отчетливое «мяу» из соседней комнаты!

Катя опрометью бросилась в спальню, по пути с грохотом уронив пару табуреток и с силой треснувшись бедром об угол обеденного стола. Она рывком открыла дверь, в первую очередь, посмотрев на мирно спящую маму – не разбудила ли, – и тут же бросила испуганный взгляд в окно – на темнеющее отражение с желтоватым кружком света от настольной лампы. Черная кошка в нем мигнула огромными глазами, собралась в комок и с тихим шипением прыгнула внутрь комнаты, приземлившись мягким живым комочком под Катины ноги.

Та, конечно, могла и закричать, но голос куда-то делся, поэтому из открытого рта вырвалось лишь визгливое хрипение.

Между тем кошка спокойно и даже величественно прошла по периметру комнаты, брезгливо выдергивая когти из ворса ковра, и легко запрыгнула на кровать, прямо на грудь к Катиной маме.

– Вставай! – истошно заорало животное.

Катя от ужаса впала в ступор и ничего не успела сделать. Надо было согнать дурацкую кошку с кровати, выставить за дверь, или за окно, но девочка словно окаменела. Не в силах очнуться, она лишь наблюдала, как мама открыла глаза, внимательно, без тени удивления посмотрела на кошку, и резко села:

– Сварог мой, уже? – голос ее звучал хрипло и незнакомо, глаза цвета байкальского льда искрились от слез. Черная кошка моргнула и принялась вылизывать шерстку на груди.

– Мама, – Катя бросилась к матери, с усилием опрокидывая ее на подушки, – тебе нельзя вставать. Доктор сказал, что...

– Ш-ш, – мама приложила указательный палец к губам дочери, высвобождаясь, – не о том ты сейчас говоришь.

Катя вздрогнула:

– А о чем? О чем я еще могу сейчас говорить! Мам, я не понимаю ничего. Что происходит-то?

Та встала и привлекла к себе дочь, крепко обняла:

– Бедная моя! Все так не вовремя, – кошка за Катиной спиной хмыкнула. – Родная моя, у нас мало времени. Надо торопиться, раз уж так вышло... Мне пора уходить, – Катя ахнула. – Тише, не спорь. Слушай! Я все продумала, никакой опасности нет. В гардеробной есть полка, где стоят мои шкатулки с драгоценностями. Среди них есть та самая, темного дерева, помнишь ее?

– Которую ты мне трогать запрещала? – Катя на миг отстранилась, и тут же заметила, что мама преображается: она вся стала светлее, прозрачнее, и тело светилось так, будто внутри нее зажгли лампочку.

Она хотела было спросить, почему так, но мама ее оборвала:

– Время дорого!.. Сейчас та шкатулка тебе понадобится, не расставайся с ней ни на минуту. В ней карта, по ней найдешь ко мне дорогу, – она стала легкой, невесомой, словно оживший призрак. – Я не знаю, когда мы с тобой увидимся, солнышко мое, но я верю, я знаю, что у тебя все получится. Будь смелой и ничего не бойся. Запомни: тебе нужен нос грифона!

Она подняла руки высоко, словно в молитве, и медленно опустила их на плечи дочери. Кате показалось (а показалось ли?), что материнские ладони источают тонкий неясный свет, словно в них поместился кусочек летнего солнца.

Голос у мамы совсем изменился, стал глухим, шелестящим:

– Я отдаю тебе свою силу и всю силу своего Рода. Я передаю тебе силу Рода твоего отца, которую хранила все эти годы. Какой бы она не была, и как бы ты ею не распорядилась. Да будет так!

Она приподняла Катин подбородок и ласково посмотрела в испуганные глаза дочери:

– Катюша. Будь смелой и ничего не бойся. Я не прощаюсь, родная моя, мы скоро встретимся, не сомневаюсь в этом ни секунды. Слушай Могиню, – она кивнула на кошку. – Не ругай ее – не ее вина в том, что все так вышло. Береги себя и помни: тебе нужен нос грифона...

С каждым словом ее голос становился все глуше, улетая в неизвестность, в какой-то момент он стал таким тихим, что, казалось, мама находится на расстоянии тысяч километров, – девочка едва смогла разобрать последнюю фразу.

– Мам, ты куда? – все еще цепляясь за реальность, шептала Катя, но ее, кажется, уже никто не слышал: мама тихо бормотала на непонятном и незнакомом дочери языке, все дальше отстраняясь от ребенка. Девочке на мгновение показалось, что та бредит, что у нее снова поднялась температура.

Она бросилась было к ней, чтобы прижаться, удержать от надвигающегося, пугающего, неизвестного, но между ней и матерью словно возникла невидимая стена.

Она знала это ощущение.

Она так баловалась давно, в детстве: терла одну ладошку о другую, пока не становилось жарко, а потом медленно сводила и разводила их в стороны. Тут же между ладонями возникало невидимое пространство, которое не давало им слишком далеко разойтись и, тем не менее, не позволяло сомкнуться.

Словно это был воздушный шарик, к которому накрепко приклеены руки.

Вот и теперь у нее возникло почти такое же ощущение, только в этот раз воздушный шарик достиг гигантских размеров, и мама оказалась внутри него. Катя что есть силы принялась биться об эту невидимую стену, стараясь ее пробить и проникнуть внутрь пространства, сковавшего маму, исступленно крича, все меньше веря в реальность происходящего.

– Ма-а-ама!

Лицо и тело мамы стало истончаться, неумолимо превращаясь сначала в искры света, потом в туман, затем в прозрачное облако, пока не растаяло совсем. Сфера, возникшая на миг вокруг нее, схлопнулась, с силой отшвырнув Катю на пол.

– МАМА!

Катя бросилась к кровати, еще теплой от маминого тепла, прижалась щекой к подушке, и закричала.

Катя кричала так громко, так неистово, что задрожали стекла, а цветной абажур съехал на бок, и показавшаяся из-под него подслеповатая настольная лампа нелепо и обиженно посматривала на девочку. Внезапно старенький механический будильник икнул и залился испуганным звоном.

Кто-то из соседей снизу торопливо постучал по батарее.

Ничего не понимая, ошалело оглядываясь по сторонам, она упала на колени посреди ставшей в одно мгновение чужой и враждебной комнаты, рядом со звеневшим во все колокольчики будильником, и пыталась понять, что ей делать дальше: рядом с ней больше нет самого дорогого, самого любимого человека.

Единственного человека, которому она, Катя, была дорога.

Который любил ее и заботился.

О котором могла заботиться она.

Одна.

Жесткий комок подкатил к горлу, перехватив дыхание. Катя гладила холодными руками постель, еще хранившую мамино тепло и хрипло, беззвучно плакала.

Все это время единственный свидетель произошедшего безумия – кошка из оконного отражения – невозмутимо разглядывала обстановку комнаты, с любопытством тыкая в ковер мягкой лапой.

– Мама исчезла, ты видела? Просто растаяла и все, – хрипло прошептала ей Катя. – Как такое может быть? Куда она делась?

Кошка повела пушистыми плечами и моргнула:

– Нашла у кого спрашивать... Я вообще тут ни при чем. Слышала же, что тебе мать сказала: «Могиню не ругай», – она нервно дернула острыми ушами. – Ты про шкатулку-то не забудь: карта там, помнишь ли?

Катя послушно кивнула:

– Я ничего не понимаю. Это, что, все на самом деле? Это все со мной? Да? – кошка мурлыкнула то ли в знак подтверждения, то ли недоумения. Не поймешь этих кошек. – Что мне делать-то?

– Ты карту идешь искать, или нет? Уже времени-то вообще, считай, не осталось, – кошка, кажется, теряла терпение.

Катя послушно поплелась в гардеробную. У самой двери оглянулась:

– Не уходи.

Желтые глаза с сомнением моргнули.

– Не уходи, – попросила Катя, закрывая за собой дверь. Кошка едва заметно вздохнула и растаяла в воздухе.

Глава 2. Старая шкатулка

Катя зашла в маленькую, без окон, комнатку, служившую гардеробной.

Когда-то их смешно называли «темнушками», или «тещиными комнатами». Теперь мода изменилась, и те же неудобные квадратные метры превратились в оазис для модниц всех возрастов и сортов: аккуратные полки, шкафчики и

комоды в блестящем обрамлении зеркал и уютных светильников.

Ровными рядами в гардеробной висели мамины блузки, платья, костюмы.

Девочка нежно провела по ним рукой. Под пальцами струился тонкий шелк и мягкий кашемир. Колючий шерстяной свитер, мамин любимый, неопределенного теперь цвета, лежал на своем привычном месте – на третьей полке сверху, – и, казалось, еще хранил ее тепло и терпкий аромат духов.

Тоска ершистым комком вспыхнула в груди. Катя тяжело задышала:

– Не сейчас, не сейчас, – просила она саму себя. Она запрокинула к потолку голову, не давая слезам скатываться по щекам. – Не сейчас.

Кате пришлось встать на табуретку, чтобы добраться до антресолей – шкатулка много лет назад была убрана из вида.

Когда-то давно, лет пять назад, она почти нарушила мамин запрет и достала шкатулку с полки. Она взяла ее в руки, волнуясь и едва дыша. Однако шкатулка в тот момент показалась ей обыкновенной и весьма невзрачной вещицей, совершенно не заслуживающей такого количества внимания и запретов. Ей тогда даже не понятно было, за что ее в итоге наказали и на месяц оставили без шоколадок.

Сейчас – другое дело. То ли исчезновение матери, то ли мистическая кошка заставляли фантазию буйно рисовать одну картину за другой – от выскакивающего из темного нутра шкатулки джинна до сказочной жар-птицы, которая отнесет ее туда, где сейчас находится мама.

Катя зачем-то аккуратно постучала по темной, испещренной мелким не то узором, не то текстом, крышке, легонько потрясла. Внутри увесисто перекатывалось что-то тяжелое. И, кажется, кряхтело...

– Ну, это уже у меня глюки, конечно, – сама себе резонно ответила Катя. – После скачущих из окна кошек еще не такое послышится.

Девочка вышла из гардеробной и направилась в кухню: там света больше, может, надписи на крышке удастся прочитать.

Входя в кухню под размеренное приветствие настенных часов, она невольно бросила короткий взгляд в окно, но увидела в нем только свое отражение – встревоженного, раздираемого любопытством и сомнениями подростка в потертых домашних джинсах и вытянутом свитере.

– Естественно, – обиженно прошептала она исчезнувшей кошке, – наделала тут дел и сбежала. Впрочем, сегодня все меня оставляют одну...

Катя вздохнула и села за стол, для начала внимательно разглядев шкатулку снаружи.

Небольшая, чуть больше ее девчачьей ладони, не высокая, не глубокая, примерно десять на шестнадцать сантиметров в основании. Замочек медный, симпатичный, вылит в форме медвежьей лапы. Некоторые узоры на крышке были глубокими и более крупными, другие – совсем маленькими, еле заметными, скорее даже царапины, а не узоры.

Выпрыгивающее из груди сердце и отчаянно дрожавшие руки подсказывали Кате, что рисунок на шкатулке – не простой, и эти трещинки-царапинки – сейчас самая важная вещь на всем белом свете, что именно они скрывают таинственный смысл этой странной вещицы и знают способ, как вернуть маму.

Катя пригляделась.

Рисунок на крышке вдруг поплыл перед глазами, раздвигая пространство, словно 3D картинка. Некоторые детали стали делаться объемными, другие – совсем потерялись в темноте.

– Ой-ё-ёй, – вырвалось у нее, когда она поймала себя на мысли, что узнает выдавленные символы. Больше того: она их не просто видела где-то, она знала их, умела распознавать их, читать... Но сейчас словно забыла.

Вытаращив глаза так, чтоб не спугнуть наваждение, она еще внимательнее уставилась внутрь открывшейся в воздухе картинки. Но та стала снова меняться,

открывая новое пространство внутри начертанного рукой неизвестного мастера рисунка. Чем внимательнее Катя приглядывалась, тем более подробной становилась карта. Небольшие точки-города, горные цепи, извилистые русла рек. Над каждым объектом – текст: изящные петли, закорючки, крохотные тире. Знаки, смутно знакомые, но напрочь забытые.

Она не понимала ни слова, но была точно уверена, что эти знаки и символы уже где-то встречала, что и язык, и письменность эта ей знакомы.

Но она ее забыла.

– Если это и есть карта, – прошептала она, – то дела мои плохи.

Под любопытное тиканье часов девочка отодвинула в сторону замочек и открыла шкатулку.

Внутри Катю ждало новое разочарование: по испещренному трещинами дну перекатывался тряпичный сверток и небольшой, диаметром в три или четыре сантиметра, моток красных шерстяных ниток для вязания, с воткнутой в него, почерневшей от времени, старой бронзовой иглой. Катя пригляделась: игла была с надломленным ушком.

– Да уж, сокровища – вырвалось у нее. Она потянула за край тряпицы.

Ей на ладонь выскользнул гладкий, идеально отполированный полупрозрачный камень сочного василькового цвета, круглый, со скошенными в четырех местах краями. Вероятно, он должен был к чему-то крепиться.

– Да уж! – повторила она. – Ладно, камень можно приладить куда-то для красоты. Нитками что-то заштопать. Но старая, испорченная игла со сломанным ушком – это просто финиш. И это «богатство» от меня так тщательно берегли?! И где обещанная карта? С носом грифона...

Она с силой вдавила испорченную иглу в моток ниток, утопив ее в нем по самое сломленное ушко.

Катя чувствовала себя обманутой. Мама сказала: «В шкатулке найдешь карту», а вместо нее – хлам какой-то!

Она разложила перед собой все три предмета, ожидая, что всему этому найдется хоть какое-то разумное объяснение.

Она их переключивала, соединяя по-разному, но объяснение никак не находилось.

Катя еще раз взяла в руки шкатулку. Темное дерево, никакой подкладки, никаких потайных отделений или карманов, где можно было бы спрятать хоть клочок бумаги. Ничего. Старое потрескавшееся от времени дерево, царапины, трещины, плохо отшлифованные неровности. Даже странно, что мастер, сделавший уникальную крышку, допустил такую халтуру внутри.

Стоп!

Трещинки-царапинки...

Опять трещинки и царапинки... Только другие, совсем не похожие на те, что она уже видела на крышке: длинная череда неровностей примерно по центру, слева и справа от нее глубокие, с ответвлениями, извилистые трещины, впадающие в глубокие ямки с кривыми краями, большие и маленькие. И вдоль трещин и углублений, словно ожерелье на шее царевны, петляла цепочка выпуклых солнц.

Катя пригляделась.

Рисунок на крышке и дне шкатулки почти совпадал. Только солнца распределялись иначе. И... сердце у Кати громко бухнулось в пятки – она узнала эти знаки на дне шкатулки!

Цепочки – это реки. Вот Волга, вот Обь, Лена, Енисей... С притоками, как и положено.

Углубления – моря и озера.

А солнца – города. Взгляд Кати уперся в круглый пупырышек в том месте, где она сейчас находилась – Красноярск.

Катя собралась еще раз внимательно пересмотреть найденные в шкатулке вещицы, как в дверь позвонили. Да так настойчиво! Прямо звон-перезвон.

В отражении Снова появилась, мелькнув в отражении, острая кошачья мордочка. Настороженно прислушалась.

Еще раздумывая над загадкой непонятного содержимого шкатулки и, еще больше, от осознания своей догадки, девочка подошла к двери и открыла замок.

Не успела она взяться за ручку, как дверь с силой распахнулась, больно ударив девочку по лбу, да так, что та упала и пролетела метра три вглубь коридора.

В этот же момент, не дав ей опомниться, в квартиру ворвались трое: один очень высокий, здоровый детина, второй – тощий и subtilный, третий – худощавый брюнет с длинной челкой – держался немного в стороне, явно нервничал – вертел в руках брелок с ключами от автомобиля, то убирал его в карман, то снова доставал и начинал крутить на указательном пальце.

Тот, здоровый, подошел к лежащей на полу Кате вплотную, больно пнул ее носком грубого ботинка, и, схватив за шиворот, как провинившегося котенка, поставил на ноги. И тут же двинул в ухо.

У Кати от страха, неожиданности и жуткой боли слезы градом потекли из глаз, а крик застрял в горле.

– Будешь орать – прибью! – подсунув под нос дурно пахнущий кулак и грозно нависнув над ней, прохрипел детина. – Где она?

– Кто? – пропищала девочка. Ей все еще было больно.

Но гораздо больше, чем больно – было страшно.

Мама столько раз говорила – не открывать дверь, не удостоверившись, что за ней стоит хорошо знакомый человек, а когда она одна дома – вообще никому не

открывать. И вот надо же, именно сейчас она так сплеховала.

- Мать твоя ненормальная! - проорал детина.

- Нет ее, - ошалело прошептала девочка. Да как он смеет! Ворвался сюда, бьется-дерется, да еще так о маме говорит! Девочка уже хотела что-то ответить, но тут вмешался второй, subtilный.

- Не лги нам, девочка, - промурлыкал он. - Вон, пальтишко здесь, а маменьки, типа, нет?

Они, что, следили за ними? Откуда они знают, в чем ходит мама?

Долговязый кивнул в сторону третьего, того, что с челкой и ключами, и тот скользнул в комнату, прошел дальше по коридору в зал, ногой открыл дверь ванной (Катя услышала, как с полочек с грохотом посыпались шампуни и кремы), потом прошел на кухню, выглянул на балкон и через мгновение снова появился в коридоре. Посмотрел на долговязого и отрицательно покачал головой.

Детина хмыкнул.

- Ну, что ж, это сильно упрощает дело. Нам все покажет ее дочка. - И он снова наклонился над Катей. - Верно, девочка? - Катя шумно сглотнула. Чего им надо? Денег? Так у них отродясь их не было. Драгоценности? Ну, есть у мамы парочка колечек да колье, не за ними же они вломились. Колечки и колье не так много стоят. Катя решительно не понимала, чего от нее хотят. А между тем троица внимательно за ней следила.

Долговязый (видимо, он был здесь за главного), лениво потянулся, зевнул.

- И что ты молчишь? - вкрадчиво промурлыкал он. - Помогать нам будешь? Или тебя заставить? Афросий, - он кивнул в сторону детины, - большой умелец развязывать языки. - Тот с удовольствием хмыкнул и сильно, до хруста в суставах, сжал кулаки.

- Но у нас ничего нет... Я не знаю, что вам надо, - пролепетала девочка, все еще прикрывая горевшее огнем ухо.

– Посох где?! – Проорал прямо на ухо тот, которого называли Афросий.

Вот тут Катя вообще потеряла нить происходящего.

– К-какой посох? – она посмотрела на Афросия, как на умалишенного. Догадка, что ее с кем-то перепутали, и что сейчас все выяснится и эти громилы наконец уйдут и оставят ее в покое, несколько приободрила девочку и добавила ей храбрости. – Здесь нет никакого посоха...

На что Афросий зарычал и прям бросился на девочку с кулаками. Катя рухнула на пол и постаралась закрыть голову руками, но ударов не последовало – руку Афросия перехватил брюнет.

– Хорош, Илюх, – ага, подумала Катя, у детины есть нормальное имя, – прибьешь еще деваху, – примирительно проговорил брюнет.

Он достал из кармана и снова убрал ключи, подошел к девочке и протянул ей руку, чтобы та могла опереться и подняться. Потом ногой пододвинул пуф, на котором они обычно с мамой застегивали обувь, и легонько подтолкнул на него Катю. Та неловко плюхнулась. Теперь ей было гораздо удобнее рассмотреть молодчиков.

Итак, их трое. По всей видимости, тощий и subtilный – главарь, его все слушают и ведет он себя уж больно вальяжно. Этаким гусь-переросток. Верзила Афросий-Илья был что-то вроде плохого полицейского из банального американского боевика: все время орет, угрожает и дерется. Сила есть, ума не надо, как говорится.

Третий, самый молодой из них, почти Катин ровесник, для девочки оставался загадкой: на роль хорошего полицейского из того же боевика он явно не дотягивал, но и держался все время в тени своих друзей. Вот только что за Катю заступился. Ну, что ж, и на том спасибо.

Но если предположить, что они не перепутали ее квартиру, и действительно ищут здесь что-то (допустим, какой-то посох), то Катя же должна понимать хоть что-то. Но девочка ничего не понимала. Ничего такого, чтобы это можно было назвать посохом, в ее памяти не всплывало. Тем более в этой квартире. Машинально она подумала о маминой работе, но и там ничего подходящего

припомнить не могла.

Между тем, брюнет, с молчаливого позволения главаря, достал из кармана помятую бумажку, по всей видимости, вырванный из блокнота лист. Он его развернул и подсунул Кате под самый нос. Девочка увидела, что на листке что-то нарисовано, но она не могла разобрать, что это было. Поняв ее прищуренный взгляд правильно, главарь щелкнул выключателем.

При ярком освещении девочка увидела перед собой рисунок длинной палки, кривоватой, обвитой вырезанным искусным резчиком вьюном от самого основания до верха с пухлым набалдашником. В просветах между буйной растительностью на поверхности палки и набалдашника был виден какой-то сложный орнамент. Вещица, конечно, довольно вычурная и примечательная. Катя ничего подобного в своей жизни не встречала.

Она пожала плечами.

– Это вообще что? – она с недоумением подняла глаза на парня, подсовывавшего ей листок из блокнота.

– Это то, о чем мы тебя спрашиваем, Посох Велеса, – прорычал Афросий и угрожающе придвинулся к девочке. У той глаза вообще полезли на лоб от удивления. Главарь остановил его, приблизился к девочке.

– Ты что, никогда не видела ничего подобного? – он казался озадаченным.

Катя покачала отрицательно головой.

– Слыш, Шкода, – обратился к главарю брюнет, раскачивая на пальце брелок, словно маятник, – рисуночек, может, подкачал, а может, это прорицательница твоя накосячила? А? – видимо, эта же мысль пришла в ненормальную голову Афросия, потому что он тоже согласно промычал что-то невразумительное и уставился на того, кого третий назвал Шкодой.

Тот призадумался.

Засунув руки глубоко в карманы брюк, он отвернулся от приятелей и уставился в зеркало огромного трюмо. Он молчал. И при этом внимательно, без тени какой-то мысли рассматривал в отражении лицо девочки. Та казалась абсолютно спокойной. Нет, ее что-то беспокоило. Но это явно не рисунок Посоха. А, может, старая карга и вправду его обдурила? И нет здесь никакого Посоха? Но наводка на мать девчонки была железобетонной. Та однозначно имела отношение к древностям и могла быть связана с искомой вещью. В ее рабочем кабинете в музее они уже перерыли все. Оставалась только квартира.

«Неужели все начинать сначала?» – с тоской подумал Шкода. Приятели не спускали с него глаз.

У него еще осталась надежда, что мать все же что-то припрятала дома. Дочь, в конце концов, могла быть не посвящена.

Не отворачиваясь от зеркала, Шкода повел бровью, и его подельники бросились в рассыпную.

Катя только успела жалобно пискнуть, протестуя от такого беспредела, но где уж! Афросий ее оттолкнул подальше, да еще огромным кулаком перед носом опять покрутил. Девочка села назад на свой пуфик.

Ее глаза встретились с серыми и темными, как омут, глазами главаря. Шкода за ней наблюдал.

– Что?! – огрызнулась девочка.

Ей уже надоел этот спектакль. Ей нужно искать маму, а для этого надо разобраться со шкатулкой. При мысли о шкатулке у нее все перевернулось внутри.

«А что, если эти ненормальные ее разобьют или приберут к рукам?» – мелькнуло в голове. И она кинулась было в кухню, куда только что прошел третий, имя которого она еще не знала.

Это движение не ускользнуло от внимания Шкоды.

– Ключник, – крикнул он брюнету. Тот выглянул из спальни, спрятал ключи в карман. – Смотри, как она кинулась!.. А ну-ка посмотри внимательнее в кухне.

Тот подозрительно прищурился снова и прошел мимо по коридору. Катя осталась стоять около своего пуфа. Ей был виден край стола, на котором лежала шкатулка.

Тот, кого называли Ключник, вошел внутрь, на миг загородив своей тощей спиной обзор, несколько раз прошел мимо стола, даже не взглянув на шкатулку и лежавшие рядом с ней вещи. К нему на помощь уже притопал Афросий, но и он словно ничего не видел.

Они открыли все шкафчики небольшого кухонного гарнитура, заглянули в самые дальние уголки, даже мусор в ведре проверили. Но того, что искали, видимо, не нашли. Посох Велеса... Откуда ему тут быть!..

Ключник устало облокотился о край стола, на котором лежала шкатулка и все ее содержимое. Его пальцы задумчиво били по столешнице, едва не касаясь шкатулки. Он не проявил ни малейшего интереса к шкатулке – не взял в руки, чтобы рассмотреть, не прикоснулся, не подвинул. Будто и не видел ее вовсе. А что, если...

У Кати мелькнула сумасшедшая мысль: а что, если они, действительно, не видят шкатулки? Что, если та и в правду не так проста, как кажется на первый взгляд?

В этот момент Катя почувствовала: что-то изменилось. Пространство вокруг стало твердым и тягучим. Казалось, что мысли этих людей, так бесцеремонно ворвавшихся в дом, материализовались, окружая ее и пресекая пути к бегству.

Ей стало жутко.

Сзади, за ее спиной, оказался Афросий. Его жесткий кулак уперся в Катину спину, прямо между лопатками. Он подтолкнул ее к центру кухни. Она оказалась в нескольких сантиметрах от стола.

Ключник поднял на Афросия тяжелый взгляд:

– Ребят, да вы что...

В его голосе слышался упрек и недоумение. Оба посмотрели на Шкоду.

От этих переглядываний Катя поняла, что ничего хорошего ей не светит. Свидетель им не нужен.

Словно в подтверждение страшной догадки, Афросий повернул вентиль газа на конфорке, на которой стоял чайник. Послышался тонкий свист. Потом он медленно взял чайник, не глядя на девочку, так равнодушно, словно делает обычную работу, вылил из него остатки воды и поставил на прежнее место.

Сомнений не осталось.

Как и времени.

Страх тяжелым шевелящимся чудовищем скрутил все внутренности. Мысли на мгновение потеряли четкость и очертания. «Сейчас меня не станет», – молотком застучало в голове.

Звуки, запахи, ощущения пропали.

Все стало происходить как в замедленном кино.

Вот Афросий достал из кармана веревку. Ключник опустил глаза и отвернулся. Катя взглянула на приближающегося Афросия. «Боже мой, какие у него синие глаза! Как сумеречные тени на снегу!», – мелькнуло в голове, и от этого холодного синего взгляда у нее мурашки побежали по спине.

И в этот миг мысль, яркая и отчетливая, пронеслась в голове – бежать.

Взгляд скользнул по темной глади оконного стекла. В отражении черная кошка устроилась на столе, ловко откинула крышку шкатулки и, моргнув Кате желтым глазом, нырнула внутрь, словно в бассейн.

Катя не успела сформулировать словами, понять, осознать то, что мелькнуло в ее голове. Одним молниеносным движением она сгребла содержимое шкатулки

в кулак, а второй рукой в ту же секунду открыла шкатулку и бросилась в нее, как в омут с головой. Молясь о том, чтобы и у нее получилось. Как у черной кошки.

Раздался оглушающий свист. Пространство дернулось, и с шумом захлопнулось за спиной.

А в ушах все еще звенели крики и ругань непрошенных гостей.

Глава 3. Коридор

Катю внезапно окружили оглушительная тишина и мрак.

Первые несколько секунд она стояла, безуспешно прислушиваясь – никаких звуков, кроме стука собственного сердца и хлопанья собственных ресниц, до нее не доносилось.

Глаза понемногу стали привыкать к царившей вокруг темноте, но ей все равно не удавалось захватить взглядом пространство более чем на полметра вокруг.

Широко расставив руки по сторонам, девочка сделала несколько шагов вправо. Ни гулкового эха, ни шороха. Все звуки будто поглощались темнотой. Из этой скудной информации девочка сделала вывод, что находится в каком-то небольшом помещении. «Дом?.. Подвал?» – судорожно пронеслось в голове.

Окон не было видно, или они были плотно занавешены – может, оттого здесь было так темно.

Катя принюхалась. Запах дерева. Ага, значит, дом деревянный. Или подвал.

Она сделала еще несколько шагов в темноте, пока ладонь не уперлась в стену. Та оказалась гладкой, теплой. Не отрывая ладони от стены, девочка решила исследовать периметр помещения, считая шаги: надо же было составить хоть какое-то приблизительное представление о том, где она оказалась!

Итак, от того места, где она коснулась стены, она прошла четыре шага до угла, потом еще десять шагов до следующего угла, потом еще шестнадцать шагов и снова угол. Далее, между пятым и шестым шагом, Катя наткнулась на какую-то неровность, – видимо, дверь. И еще несколько шагов – угол – и опять шестнадцать шагов и угол.

Ого. Прямоугольная комната. Шестнадцать шагов на десять шагов.

«Десять на шестнадцать. Шкатулка снаружи примерно такой же пропорции была», – вспомнила Катя.

Только, конечно, странно, что шкатулку она держала сейчас в руках, и в то же время – находилась внутри нее. Такого, вроде, не бывает.

Но сегодняшней день – чемпион по загадкам, поэтому Катя вложила внутрь свертки, зажала плоскую шкатулку под мышкой и вернулась к тому месту, где только что нашла дверь.

Девочка осторожно дотронулась до нее. Та оказалась, судя по шершавой поверхности, деревянной, довольно старой, и, скорее всего, не окрашенной. Дверь заканчивалась наверху аркой, то есть была не прямоугольной, как мы привыкли. Наверху, похоже, выточен орнамент. Катя нащупала крупные цветы и что-то геометрическое... Овал, в нем какой-то символ, несколько крестообразных элементов, вертикальная черта, снова овал...

Девочка ощупью нашла ручку в виде кольца и решительно толкнула ее.

Дверь довольно легко, хоть и со скрипом, подалась внутрь. За ней – узкое помещение. Там тоже было темно, если не считать небольшого медного светильника, стоявшего на полу и отбрасывающего на темный пол тусклый бледно-желтый кружок света.

– Ау! – позвала Катя в темноту.

Очень страшно. Девочка всегда боялась темноты, ей почему-то именно сейчас это вспомнилось.

Противный, скользкий червь страха зашевелился в желудке, заговорил своим мерзким голосом «не входи». Из-за него она, помнится, не покаталась на аттракционе «Веселые горки» несколько лет назад, когда они с мамой ходили в парк аттракционов. Мама тогда ее долго уговаривала, объясняла, что там нет ничего опасного, но Катя наотрез отказалась – противный червь оказался сильнее маминых слов.

Из-за него же в прошлом году она не поехала в летний лагерь для одаренных детей: она победила в олимпиаде по истории, и ее пригласили в такой лагерь. На море.

В программе обещали интересные лекции, участие в настоящих раскопках, встречи с известными историками, археологами.

Но этот жуткий зверь внутри нее опять отговорил.

Но сейчас Катя не могла поддаваться его шепоту: перед глазами вставало тающее лицо мамы, ее светлые глаза, ласковые руки.

Что стоило это мерзкое чудовище по сравнению со счастьем снова быть рядом с ней!!!

– Замолкни! – прикрикнула она на противное чудовище внутри, взяла в руки лампу и шагнула внутрь открывшегося за дверью помещения. – Будем отсюда выбираться! – скомандовала она сама себе, и гулкое эхо подхватило ее испуганный шепот. Она еще не понимала, что ищет, где оказалась и как отсюда выбираться. Но, с другой стороны, карту она нашла. Мама еще говорила, чтобы она помнила о носе грифона.

– Грифон, – повторила себе под нос Катя и вздохнула: – еще бы знать, как он выглядит...

В тусклом свете своей медной лампы она обнаружила, что находится в длинном коридоре, по обе стороны которого, насколько хватало зрения, было множество массивных и не очень, маленьких и больших дверей.

Многие из них были снабжены ручками различных форм, цветов и материалов: золотых и серебряных, костяных и деревянных, круглых пуговок и миниатюрных рычажков. Но больше всего ее поразило не разнообразие дверей и фурнитуры, а полное отсутствие ручек на части дверей: на самых старинных, поцарапанных, с потрескавшимся лаком.

Катя проходила по таинственному коридору все дальше, чудовище внутри уже не шептало, а клочкотало внутри, и девочка старалась отвлечься от него изучением дверей, но не находила в них ничего, что бы ей подсказало выход.

Все они были заперты, за ними было тихо и безлюдно.

В глаза бросилась одна дверь, странно выглядывшая в этом жутковатом подвале. Это была массивная дверь, дубовая, с роскошной инкрустацией в виде то ли птицы, то ли зверя с расправленными крыльями и выпуклым носом-клювом.

Кате этот птице-зверь показался знакомым.

Она решила обследовать весь коридор, а к этой двери вернуться потом.

И двинулась дальше.

Проходя мимо одной из тех самых загадочных дверей без ручек и опознавательных знаков, Катя почувствовала легкое движение совсем рядом. Она остановилась, прислушалась.

Показалось?

Да нет, вот он, шорох, будто кто-то там, с другой стороны двери, тоже прислушивается и прерывисто дышит. Девочка подошла ближе.

Едва она приблизилась к двери, червяк, предупреждавший об опасности, забился в конвульсиях и, кажется, упал в обморок, потому что умолк.

– Вот и славненько, – Катя заглянула в крохотную замочную скважину.

В узкую щель она увидела темное сырое помещение, похожее на тюремную камеру. Напротив двери можно было увидеть каменную кладку стены, испещренную многочисленными продолговатыми царапинами.

Она приблизила лицо, чтобы увеличить угол обзора, и тут же в ужасе отпрянула, больно ударившись о противоположную стену: по ту сторону замочной скважины на нее уставился злобный хищный взгляд.

В ту же секунду девочка услышала неистовый рык. Мощные удары о дверь раскатисто пронеслись по узкому пространству коридора: то существо, что там было заперто, теперь явно желало выбраться.

Катя подскочила и стремглав бросилась дальше по коридору, уже не обращая внимания на красоту дверей и мечтая только о том, чтобы та дверь выдержала натиск, и спрятанное за ней нечто не выбралось наружу.

«Грифон... Грифон... Где этот чертов грифон!» – стучало в голове.

Коридор казался нескончаемым. Катя пробежала по нему не одну сотню метров, но конца его не было видно.

За спиной послышался жуткий грохот и треск – похоже, та дверь все-таки не выдержала.

Застыв от страшной догадки, девочка замерла, прислушиваясь.

Но каменная кладка стен отражала только ее собственное прерывистое дыхание. То, что вырвалось на свободу, очевидно, затаилось.

Вслушиваясь в тишину, девочка уловила едва заметное движение, неуловимый скрежет когтей по каменному полу.

Опасливо, стараясь не издавать никаких звуков и не поворачиваться спиной к этим все приближающимся осторожным шагам, Катя двинулась по коридору. Ее глаза, не отрываясь, следили за пустотой. Инстинкт самосохранения подсказывал немедленно погасить лампу, но девочка боялась пропустить важный знак, дверь, ради которой она и оказалась в этом жутком месте.

В глубине коридора в проблесках слабого света от Катиного светильника, девочка наконец увидела это нечто.

Она с уверенностью не могла сказать, кто это – человек или зверь. Она увидела существо, двигавшееся на двух ногах, с головой, не похожей на человеческую, с телом, покрытым густой и грязной бурой шерстью. Конечно, она не могла точно сказать, что именно она увидела, но слабое освещение, страх и немного фантазии мгновенно дорисовали картину. Существо тоже заметило Катю и остановилось, не подходя ближе. Оно боялось или света, или человека.

Катя уперлась спиной в стену: вот и конец коридора.

Тут лампа в руках девочки почему-то стала гореть ярче. Существо мгновенно отреагировало на это – попятилось назад, в темноту. Катя от неожиданности тоже сделала шаг назад, еще сильнее впечатываясь в стену.

Свет стал еще ярче.

Девочка подняла фонарь выше над головой. Тот загорелся еще ярче.

«Тут выход!» – поняла девочка.

Она оглянулась.

Прямо у себя за спиной она заметила дверь из темного дерева со множеством мелких и крупных символов-штрихов – увеличенную копию крышки шкатулки темного дерева.

Эта единственная дверь, которую она здесь узнала наверняка, и она просто обязана была стать ее спасением сейчас, когда существо в полумраке коридора все больше злилось, боясь подойти к ней ближе.

Одним движением Катя еще сильнее надавила на дверь, толкая ее из последних сил, молясь лишь об одном, чтобы та оказалась не заперта.

Рука дрогнула. Вспотевшие пальцы разомкнулись, выпустив фонарь, светильник выскользнул и с грохотом упал на каменные плиты.

Огненные икры от него разлетелись вокруг, на мгновение озарив зеленые глаза и злобную оскаленную морду с огромными клыками, а через мгновение коридор опустился в чернильную темноту – ни лучика света, ни блика, ни отражения.

Зверь – Катя это скорее почувствовала, чем увидела во внезапной темноте – ринулся в сторону своей жертвы.

Зажмурившись, прижимая к себе шкатулку, девочка дернула дверь что есть силы. Та подалась, скрипнула, пропуская ее внутрь, и плотно закрывая за ней пространство коридора. Катя услышала отчаянный рык, мощный толчок в дверь с той, другой стороны, и все.

Все стихло.

Глава 4. Новая знакомая

Катя не решалась открыть глаза, все еще прислушиваясь.

Очевидно, она выбралась из коридора: чувствовался свежий воздух, сладковатый запах цветущей липы и знакомый с детства аромат хвои. Где-то совсем рядом настырно чирикал воробей, размеренно цокая лапками по твердой поверхности. Было тепло и сухо.

– Мамочки, – отчетливо послышалось справа. Голос испуганный. Низкий, грудной. Вероятно, мальчишеский. И шорох, будто кто передвинулся.

Отчаянно прижимая к груди шкатулку, Катя приоткрыла глаза и шагнула вперед.

Ноги тут же запутались, уперлись во что-то твердое и неустойчивое, девочка потеряла равновесие и с грохотом повалилась на пол, неуклюже расставив руки и выронив драгоценную шкатулку.

– Да, ё-ёлки – же – палки, – протяжно простонала она, перехватывая руками ушибленные колени.

Она растянулась на полу. Широкие деревянные плахи были плотно подогнаны друг к другу, гладко зачищены. В полуметре от ее головы стояли две деревянных лавки, а между ними высился громоздкий дубовый стол: если бы Катя сделала еще один шаг, виском бы точно поймала угол.

От этой неприятной мысли спасенный висок зачесался. Катя его потерла и посмотрела на свои ноги: те неловко прятались в огромном сундуке, сейчас перевернутом на бок, с вывороченным под основание замком.

– Я, что, из сундука выскочила? – Катя обернулась в сторону, откуда только что донеслось испуганное «мамочка».

Из дальнего угла комнаты, широко распахнув от удивления синие, как васильки, глаза, на нее смотрела девочка лет пятнадцати в длинной, чуть расширенной от груди, льняной рубахе-платье с сине-голубой вышивкой по краю рукавов и подолу и косой, перекинутой на грудь. Девочка уставилась на Катю, и чуть пухлые губки раскрылись в немом крике.

– Маааа! – хрипло крикнула она и плюхнулась на лавку, подобрав под себя ноги в туфельках из тонкой кожи с загнутыми на восточный манер вверх носками.

– Не кричи! – строго приказала Катя. Но девочка только еще громче заверещала.

– Ты кто? – спросила ее Катя, чтобы как-то поддержать беседу и заставить замолчать.

– Я – Ярушка, Ярослава то есть, – поправилась девочка, все еще во все глаза разглядывая Катю. Она, конечно, старалась быть вежливой, хотя испуг и не прошел. – А ты кто будешь?

– Я – Катя, – отозвалась она, вставая. И повторила вопрос: – Я что, из сундука этого выскочила?

Ярослава, медленно переведя взгляд на перевернутый сундук, кивнула.

- Странно, - Катя нахмурилась.

Она присела на корточки в поисках своей шкатулки, и нашла ее под столом. Чтобы ее достать, ей пришлось встать на четвереньки, и что есть силы потянуться за вещицей. Ярослава на своей лавке подалась назад, еще выше подобрал подол платья.

- Да не бойся ты, не кусаюсь, - проворчала Катя, усиленно соображая, что делать дальше.

- Ты как в бабушкин сундук забралась?

«В самом деле, как?» - мелькнуло у нее в голове.

Катя повернулась, приподняла угол сундука. Тот оказался тяжелый, с коваными железными накладками на углах и пухлыми пуговками-набойками. Крякнув, она перевернула сундучище, поставив его на место.

- Здоровый, - то ли себе, то ли своей новой знакомой пробормотала она.

- Так ты как в бабушкин сундук забралась-то? Ты кто?!

Катя, зажав в руках шкатулку, села за стол, тяжело вздохнув и уставившись на Ярославу.

Теперь их с Катей разделяла только его широкая темно-коричневая поверхность с выставленным рядом рукоделием, видимо, Ярославиных рук работы: льняной салфеткой на квадратном подрамнике, мотком разноцветных ниток, колким ёжиком подушки для иголок.

На подоконнике, деловито склевывая хлебные крошки и кусочек яблока, подпрыгивал воробей. Катя с ужасом уставилась на открытое окно, через которое врвалось в комнату ослепительно яркое лето.

«Декабрь же на дворе, - с сомнением мелькнуло в ее голове. - Это куда ж меня занесло?»

Через голову воробья, едва не задев трогательные серо-коричневые перья, перелетел камушек и с шорохом прокатился по столу.

Со двора, через распахнутое настежь окно, донесся громкий шепот:

– Яру-уша-а!

Ярослава нахмурилась, закатила глаза к потолку. Подобрав подол, забралась на лавку, высунулась наружу:

– Чего тебе? – сердито спросила она кого-то невидимого.

Катя пока осмотрелась.

Комната, в которой она оказалась – довольно большая, светлая, с большим, украшенным разноцветными стеклышками, окном. Почти посреди комнаты, у окна – стол, по краям – простые деревенские лавки. Рядом с сундуком, из которого она вывалилась, пристроился еще один, поменьше, с плоской крышкой. На нем лежала толстая, явно старинная книга. В самом углу, загороженная тонкой кисейной занавеской, была кровать с выложенными горкой подушками. Вот и все убранство.

Ничего общего с городской квартирой Кати.

– Яруш, – за окном голос мальчишеский, томно-взволнованный, влюбленный, – завтра на ярмарку жаб привезут якутских... Помнишь ли?

С Ярушкиной ноги слетел туфель, со стуком ударился об пол:

– Ясно дело, помню. И что с того?

Сопение за окном.

– Аким! Не томи: чего явился-то? Матушка говорила, что голову тебе оторвет, коли ошиваться под моим окном будешь?

Снова сопение:

- Яруш, на речку придешь ввечеру? Все идут...

Ярослава нетерпеливо повела плечом:

- Некогда мне.

- Не придешь?

- Не приду. Матушка не пустит все одно...

- Так не ждать тебя?

Ярослава всплеснула руками:

- Так не жди, говорю ж тебе! Ступай уже! Вон, всю траву повитоптал!

И захлопнула окошко с разноцветными стеклами.

- Это кто был? - любопытство победило здравый смысл, скомкав чувство такта.

Ярослава исподлобья глянула на Катю, машинально передвинув игольницу:

- Да никто, - сердито поправила она ленту в косе, - Аким, кузнеца сын.

- Гулять зовет?

Ярослава стрельнула в Катю синими глазами, словно молнию метнула:

- Зовет! - руки с вызовом сложила на груди. - И замуж зовет!

Катя ошалело моргнула:

- Как «замуж»? Ты ж маленькая еще...

– Что значит «маленькая»? Пятнадцать годков уже. Да он и не сейчас зовет... А, – она неопределенно крутанула пальцами над головой, – когда-нибудь.

– А ты что?

Ярослава снова вспылила, схватила свое рукоделие, сгребла в охапку, да в шкатулку для рукоделия, примостившуюся рядом с ней на лавке:

– А то не твое дело!

– Прости.

Катя покраснела. И далось ей это, лезть не в свои дела... «Мне бы со своими проблемами разобраться», – сердце съежилось от тоски и понимания, что случилось что-то, непредусмотренное мамой: грифона-то она не нашла. И кошка – Могиня куда-то исчезла.

Она шмыгнула носом. Колючий комок страха и обиды подкрался к горлу, перехватил изнутри. Глотать стало нестерпимо больно. И страшно.

Катя подняла голову к потолку, уставилась в гладко струганные доски. А слезы никак не желали закатываться назад.

Ярослава под села рядом, дотронулась до плеча:

– Эй, ты чего? Обиделась, никак? – теплая ладошка вытерла Катины слезы. – Так я не со зла...

Катя с силой шмыгнула носом:

– А я не из-за этого! Ты все правильно сказала – не мое это дело. Мое дело – разобраться, где я оказалась.

Ярушка всплеснула руками, примирительно улыбнулась:

– А чего ж тут разбираться! То я тебе и так скажу, и пряника с тебя не возьму. Ты в светелке моей. А светелка моя в доме у бабушки моей, в Тавде-граде.

Катя нахмурилась. Ее познания в географии не помогли ей сообразить, где этот Тавда-град находится:

– А где это?

Ярушка удивленно уставилась на нее. В синих глазах мелькнуло недоверие:

– Шутишь? На Руси, три дня пути до Тюмени-града.

– А день какой сегодня?

– 18 июня 6915 года от сотворения мира[2 - Петром I в 1700 году была проведена реформа, в соответствии с которой Россия стала использовать юлианский (древнеримский) календарь, по которому 7208 год от сотворения мира стал 1700 годом от Рождества Христова. Таким образом, 6915 год, в котором оказалась Катя, соответствует 1407 году по юлианскому календарю.], – пояснила Ярослава, и увидев, как округлились глаза собеседницы, изумленно спросила. – Ты чего?

– К-как 18 июня? – Катя икнула от неожиданности. – Какого года, повтори?

– 18 июня 6915 года от сотворения мира, – медленно, четко выделяя слова, повторила та. Заглянула в Катины изумленные глаза: – Да в чем дело-то?! Ты сама-то откуда? Как в сундук забралась? Как в горнице моей оказалась?!

Колючий комок вновь подкатился к горлу, да так стремительно, что Катя не сумела его остановить, смягчить его давление. Горло жгло, как каленым железом. Она открывала по-рыбьи рот, не в силах вздохнуть. Слезы брызнули из глаз, заставив Ярославу растерянно отскочить в сторону:

– Эй, ты чего?! Не реви! Мы беду исправим! Ты хоть что-то скажи, чего молчишь, как немая!

– Я ушла из дома примерно час назад, думая, что сейчас 18 декабря 2016 года, или 7524 года, если по-вашему. У меня пропала мама, прям растаяла на глазах...

Сказала, что все продумано, опасности нет. Дала карту, – Катя кивнула на шкатулку, – но я ее не смогла прочесть. А потом на меня напали три придурка, которые ворвались к нам в квартиру и хотели найти какой-то посох. А когда не нашли, то решили меня убить. А я прыгнула в шкатулку. А там зверюга, я бежать. Там эта дверь, я в нее, а тут тыыыы! – и Катя заревела в голос. Ярушке только и оставалось, что гладить ее по плечу в утешение, да сочувственно вздыхать:

– Ничего-ничего. Что-нибудь, да придумаем...

Глава 5. Ирмина

В это время Шкода маялся в апартаментах, снятых бабкой в центре Красноярска.

Внутри она его не пустила, оставив ждать в тесной клетушке с многочисленными коврами на стенах и полу, пушистыми пледами в восточном стиле на диванах и низких креслах.

Парня слегка подташнивало от приторно-сладкого аромата благовоний. Так и хотелось встать и открыть окно.

«Хоть бы иногда проветривала, старая карга», – про себя ругался Шкода. Сейчас он был одет в стильные джинсы светло-серого цвета, модную футболку с ярким принтом, на руках – грубые браслеты из толстой кожи с металлическим бляшками в виде черепов, перекрещенных костей, крестов и свастики. Вид у него был скучающий. Он откровенно зевал. Карга дала ему какой-то противный отвар, который она называла «чаем по рецепту дорогой бабушки», но по вкусу он походил на дешевый аптечный сбор от кашля.

Впрочем, из-за духоты, царившей в «покоях», Шкода дико захотел пить, и это пошло его даже устраивало. А сама бабка куда-то упылила. Шкода ждал уже примерно полчаса. Жаль, часы не захватил. У телефона батарея сдохла, даже игрушкой себя не занять. И не уйти.

Поэтому он жутко скучал и злился.

Все пошло не так как планировалось.

* * *

Месяц назад в дверь его давно не отремонтированной «хрущевки» на окраине подмосковного Пушкина позвонили.

Он только вернулся из «командировки» в Сибирь, на входе стояли изрядно испачканные грязью ботинки, на вешалке висела пропахшая лесом куртка, а у порога, покрытый жирными темными пятнами протекших консервов, ждал чистки рюкзак.

Жутко матерясь по привычке, путаясь ногами в складках съехавшего «гармошкой» коврика, он открыл дверь. На пороге стояла старуха. Сгорбленная, с синеватыми лохмами когда-то вьющихся волос, в отглаженном брючном костюме стоимостью в три, а то и в четыре Шкодины зарплаты продавца-консультанта в магазине оргтехники, опиралась она на черную трость. Бесцветные глаза-бусинки смотрели колко и уверенно.

Брезгливо сморщившись, старуха (а при всей дороговизне и крутости ее наряда язык у Шкоды не поворачивался назвать ее «дамой») отодвинула его в сторону и шагнула внутрь.

– Эй, бабуся, ты че? – Шкода ошалело моргнул.

– Дверь закрой! – скомандовала старуха, и, подвинув кончиком трости сгорбленный половик, прошла дальше по коридору.

Шкода бросил ей вслед озадаченный взгляд. Но бабка уже скрылась за поворотом в «зал» – убогое холостяцкое пристанище с телевизором и батареей не вынесенных на помойку пивных бутылок.

Захлопнув входную дверь, ему пришлось броситься за ней:

– Вы, что, с ума...

– Сядь, – оборвала его старуха. Она уже расположилась, сложив крючковатые пальцы на набалдашнике трости, в кресле, бесцеремонно сбросив Шкодины газеты и брюки – те упали у ее ног неаккуратной кучей. Костлявым пальцем она указала ему на табурет напротив.

Ноги сами отнесли его на место. Бабка все это время, не мигая, исподлобья следила за ним, холодно наблюдая, как он медленно опускается на выделенное ему сиденье. Он во все глаза разглядывал старуху. И чем пристальнее он пытался ее разглядеть, тем больше ускользали от него ее черты. Вроде вот только что нос прямой был, а глянешь – нет, с горбинкой. Вроде лицо круглое да морщинистое, а присмотришься – и морщинки не так проложены, и овал лица не тот.

Он моргнул, пытаясь отогнать наваждение.

«Че это? Так ведь не бывает, да?» – пульсировало в висках, но рот не открывался. Звуки, словно запутавшись, застряли в горле, а тело подобно тряпичной кукле послушно делало то, что ему велела старуха.

Бабка откашлялась, отвела тяжелый взгляд. У Шкоды отлегло от сердца. Дышать стало легче и ровнее. Но ровно до того момента, пока гостя не заговорила, снова вперившись в него ничего не выражающим взглядом, тяжелым, как пневмоколесный каток:

– Ваня, – так его никто не звал с самой школы, когда по причине большой увлеченности западным автопромом и непоседливости к нему приклеилась кличка «Шкода». В душе что-то похолодело и оборвалось в точности так, как об этом пишут в книжках – душа с шумом ухнула в пятки. А бабка, пошамкав губами, продолжила: – Меня Ирминой Николавной величать. Я к тебе по делу приехала, из столицы. Твоя находочка меня к тебе привела.

Шкода икнул.

«Она как узнала?.. Я же еще Герману даже не отзвонился». Герман – это очень крупный товарищ в сфере скупки и продажи краденного (это не Шкодин профиль). И незаконно найденного (а вот это как раз по Шкодиной части).

Его взгляд метнулся к стене: там, за шкафом, его главная находка нынешней «командировки» – корявая палка с вензелями и рунами.

Она проследила за его взглядом:

– Ну, давай, что ли, покажи старушке, что откопал...

– А как узнали-то?

Старуха состроила гримасу, которая, вероятно, должна была обозначать улыбку:

– Ворона на хвосте принесла...

– В смысле – сорока? – поправил было старуху Шкода, но тут же понял, что зря: бабка прищурилась недобро, пальцы плотнее сомкнулись вокруг черного набалдашника, а ему померещилось, что на его собственном горле.

Он дернулся, отскочил к стене. Хватка ослабла, стало легче дышать.

– Ты не скачи зайцем, ты находку свою покажи, – примирительно посоветовала старуха.

Шкода, стараясь не поворачиваться к гостье спиной, обогнул комнату, всунул руку между задником шкафа и стеной, нащупал упаковку, потянул за ее край. В его руках оказался узкий сверток, примерно метр в длину, бережно завернутый в несколько слоев газеты.

Старуха протянула к нему руку, на мгновение замерла, словно опасаясь чего-то, черты ее лица смягчились, и будто помолодев, она вдруг хохотнула:

– Ты где нашел-то это, археолог липовый?

– В Заповеднике, – Шкода услышал, как его голос стал хриплым, сухим. – Который «Столбы»... Че, фигня? Новодел? – расстроено спросил он.

Старуха сделала резкое движение, сверток выскользнул из Шкодиных рук и, проплыв несколько метров по воздуху, плавно опустился в ее костлявые руки.

- Э! Э! - запротестовал Шкода. - Вы че задумали?!

- Да не визжи ты! - старуха сорвала газеты, швырнула на пол. В руках у нее оказалась изогнутая деревянная палка длиной в метр или чуть больше, тонкая у основания, с искривленным в форме медвежьей лапы набалдашником. От основания вверх спиралью тянулся тонкой змейкой ряд засечек, едва заметных черточек и кругов.

Старуха бережно, почти любовно, погладила палку и рассмотрев на ней что-то, нахмурилась.

- Тот, да не тот, - буркнула она, и, будто вспомнив о замершем в нескольких шагах от нее Шкоде, бросила ему: - Так где ты, говоришь, нашел-то ее?

- В «Столбах». Там, на территории, развалины есть. Частью затоплены, частью разрушены. Вот, там и нашел. А что это?

- Посох мой...

- Че? - Шкода вытянул шею. - Че вы несете-то?

Бабка привстала и направилась к выходу.

- Эй, посох оставьте! Он мой! Я его нашел! - старуха, не спеша, прошла через комнату. При последних словах замерла. - Хоть денег за него заплатите! По всему ж видно, старинная вещь!

Бабка обернулась. Горло Шкоды опять перехватило, дышать стало трудно. Он схватился за спинку кресла.

- Деньги любишь, - прошелестел голос старухи.

- Кто ж их не любит! - прохрипел, едва переводя дух, Шкода.

Старуха повернулась к нему, оперлась на трость, указала на него посохом:

– А на службу ко мне пойдешь? Я хорошо заплачу.

Дышать стало легче. Словно отпустило его что-то неведомое.

– А че-ж не послужить, если заплатите. Че делать-то надо...

Старуха прищурилась:

– А то же, что и всегда: копать, где велю. Делать, что скажу. Пойдешь?

И Шкода согласился. Бабке очень посох какой-то нужен был, не тот, что он под Красноярском нашел. Другой.

* * *

Вчера, перед визитом в квартиру к тетке-искусствоведу, она позвонила ему, сказала, что тоже приехала в Красноярск.

– Поддержу тебя, дружок, – сказала голосом, от которого у Шкоды все обмерло внутри.

И сейчас он ждал старуху Ирмину в ее покоях. Пришел с отчетом.

«Бабка все напутала», – думал он. – «Посоха по тому адресу нет, они все там перевернули. Тетка-искусствовед исчезла. Доча ее суматошная вообще – финиш – растаяла на глазах. Вот просто как стояла посреди кухни в своем отстойном свитере, так и пропала».

Он встал, походил по комнате. Десять шагов туда-обратно.

Снова сел.

Не выдержал, встал и открыл окно.

В тесную комнатку ворвался ароматный морозный воздух, разбавив жгучей свежестью дурноту, и подняв настроение. Он дышал, наслаждаясь прохладой, как вдруг, будто прямо из-под земли выросла рядом с ним старуха Ирмина, аж черная от злости. Она оттолкнула его, и, с треском захлопнув оконную раму прямо перед его носом, зло на него глянула:

– Я тебе ЧТО сказала делать? – недобро шипела она. – Сидеть и ждать! – еще минута, и, Шкоде показалось, что бабка его ухватом по башке треснет, и в печь на растопку забросит.

Но та пошамкала беззубым ртом, сверля его жуткими бесцветными глазами-бусинками, и пошла к своему креслу.

«Ведьма старая!» – про себя подумал Шкода.

Бабка будто его услышала. Резко обернулась, из-за чего черты ее лица на мгновение будто смазало гигантским ластиком, они стерлись и потемнели. Старуха пронзительно и зло на него взглянула.

– Че? – вырвалось у Шкоды. В глазах помутнело, к горлу подступил тошнотворно-горький комок, обжег гортань.

Ирмина отвернулась. Черты ее лица снова приобрели хоть и призрачную, но все-таки привычную форму. Старуха дошла до кресла, и, усевшись, проговорила, уже вроде мягче:

– Чего окно открыл? Застудишь старушку: радикулит у меня.

Шкода хотел что-то съязвить на счет ее магических способностей, которые она к себе почему-то не применяет, но, вспомнив ее колющий взгляд, промолчал, про себя отметив, что, оказывается, бабку боится не по-детски.

Он еще немного помялся на ногах, ожидая, что старуха сама укажет ему место, куда сесть, но та молчала, исподлобья сверля его глазами-бусинками. Тогда он, старясь сохранять максимально независимый вид, плюхнулся в ближайшее кресло напротив самой старухи, и сложил руки на груди.

Так стало полегче.

Бабка зыркнула на него еще раз, потом достала из кармана длинного цветастого балахона круглое зеркальце, без оправы и отделки, с неровными, будто обкусанными, краями. Достала и положила на столик между ними, подтолкнув ближе к Шкоде набалдашником трости.

- Мирослава с дочкой ушли в параллель, над которой я не властна. - Она помолчала, пожеывая губы. - Там я их достать не могу... ПОКА не могу.

Она внимательно посмотрела на него, словно оценивая его умственные способности, черты ее лица на мгновение расплылись, и она продолжила:

- Что, команда-то у тебя верная?

- Да ничего так парни.

- Скажи, кто, - велела старуха и уставилась на него.

Шкода смутился: не хотелось раскрывать перед старухой все карты. Еще потом скажет, что не сам все сделал, да и денег не заплатит.

К горлу, медленно подкрадываясь, снова подкатилось удушье.

- Всего двое парней, местные, я с ними уже не на одно дело ходил, проверенные, - торопливо заверил Шкода, радуясь тому, что невидимые костлявые руки разжали хватку. - Один, Афросий, вообще путевый чел, во всяких древних штуках сечет, боевой такой. Работы и грязи не боится.

Бабка удовлетворенно кивнула:

- Хорошо. А третий кто?

- Третий - пацан, малолетка, ему шестнадцать только, но он при бабках. Хата, опять же, у него.

Бабка недовольно хмыкнула:

– А то я ж тебе мало плачу...

– Так я экономлю!

– Ну, ну, – задумчиво прошамкала старуха. – Вот что, Ваня. Пойдешь со своими товарищами к деревне Федулки. Там на околице стоит дом пустой, его ни с чем не спутаешь, его даже кошки обходят стороной. – Она помолчала, снова пошамкав беззубым ртом. – В дом тот не заходите! От калитки, в сторону леса, пройдете по тропинке тысячу сто семьдесят шесть шагов, затем свернете с тропинки налево, пройдете еще шестьсот шестьдесят шагов по бездорожью, прямо через подлесочек. Да смотрите, в трясине не увязните.

Она замолчала, будто что-то вспоминая. Шкода хотел переспросить, сколько именно шагов от калитки идти, только рот открыл, а старуха на него глянула так, что сразу вспомнилось – одна тысяча сто семьдесят шесть. Ирмина продолжала:

– Там упретесь в полянку круглую как блюдце, по краям деревья черные, словно обожженные увидите, – она очертила краем трости круг на столе, в его центре отметила точку: – Выйдете на середину, только там достанете зеркальце это. Посмотрите все в него одновременно, – она чуть наклонилась вперед, приблизила к нему изъеденное временем лицо: глубокие морщины на миг распрямились. – Понял ли? Одновременно! Дальше пройдете прямо еще девятьсот девяносто девять шагов, выйдете на тропинку, свернете по ней направо. Она вас выведет куда надо. Если все сделаете верно, да не замешкаетесь – к вечеру найдете девчонку... Чую, она мне нужна. Она – ключик к Посоху Велесову... Зеркальце храни: оно еще для возврата вам потребуется.

– А куда возврата?

Старуха усмехнулась:

– Там поймешь, – она привстала и протянула ему свою руку ладонью вверх. – А чтобы думалось тебе легче, дай-ка мне руку свою.

Ее черты опять смешались, как всегда, когда она делала слишком резкое движение – Шкода уже обратил на это внимание.

Он уставился на нее, прижав вспотевшие в один миг ладони к бедрам:

– Зачем? – голос охрип.

Старуха криво ухмыльнулась:

– Не бойся, больно не будет.

Шкода с усилием отнял ладонь, протянул Ирмине. Пальцы мелко дрожали.

Бабка подалась чуть больше вперед, ловко перехватила его запястье и притянула к себе. От ее прикосновения кожу обожгло даже через широкие кожаные браслеты.

Шкода ахнул и повалился на бок, прямо на круглый журнальный столик, стоявший между ними.

Силища у бабки оказалась невероятная. С легкостью, словно тряпичную куклу, приблизила к себе его ладонь, острым когтем начертив поверх линий крест. Кожа мгновенно покраснела и взбугрилась, будто каленым железом обожженная.

– Вы чего! – заверещал Шкода, чувствуя, что лоб и спина предательски вспотели.

Старуха наклонилась над начертанным на Шкодиной ладони крестом, зашептала ему, словно живому. И при каждом слове ее знак оживал, шел волной, бугрился и вздыбливался. А когда знак на его ладони успокоился, затих, старуха свободной рукой дотянулась до груди распластавшегося на столе, ошалевшего от страха Шкоды, положила на нее тяжелую ладонь. Тот почувствовал, как начертанный крест зашевелился вновь, только теперь уже под сердцем. Медленно и тоскливо.

В ту же секунду Ирмина подняла руку. Под ней, словно прилипшая морская звезда, искрилось сине-белое облако.

Шкода шумно сглотнул.

Бабка бросила его ладонь, подхватила облако второй рукой, плотоядно любуясь им.

– Это что? – Шкода сел, переводя взгляд с покрасневшего шрама на ладони на переливчатую звезду в руках Ирмины и обратно.

Та достала из кармана балахона пузатую склянку.

Довольно крякнула, схватила прозрачный сгусток и отправила его в крошечную пробирку, приладила пробку:

– Зато теперь, дружок, не потеряешься. И мне спокойно, и тебе... Тебе, впрочем, без разницы. Это, – она покрутила перед носом склянку, – у меня останется. Коли выполнишь все как велено, Посох Велесов мне добудешь, получишь назад.

– А если нет? – вырвалось у Шкоды. Хотя, спросив, он уже не был уверен, что хочет знать ответ. Старуха улыбнулась ему так, что в груди заскрежетало.

– А если нет, – она прищурилась и спокойно пояснила, – то сам о смерти просить станешь...

Шкода вышел из душной комнаты.

В голове стоял туман.

От вопросов и тревожного предчувствия, что он влез в чужую игру, и вместо идейного вдохновителя и руководителя стал в ней пешкой, подтащивало. Однако не тот был человек Иван Свиридов по прозвищу Шкода, чтобы отступить.

Глава 6. Тавда

Катя уставилась в окно, все еще всхлипывая.

- Получается, - Ярослава положила руки перед собой, мерно постукивая пальцами по темной поверхности стола, - ты издалека...

- Из будущего я!

Ярушка с сомнением кивнула:

- Пусть так... Твоя мама не успела или не смогла тебе что-то рассказать. Что-то важное, что есть в твоей шкатулке. Но сама разобраться, при чем тут шкатулка, ты не успела, потому что на тебя напали разбойники. Верно?

Катя кивнула:

- И еще мама сказала, что надо нос грифона погладить... или дотронуться, не помню уже.

- И что?

- А не было там никакого грифона, только зверюга эта страшная!!!! - и Катя шумно всхлипнула, стараясь снова не зареветь. - Я его не нашла, и вот сейчас заблудилась...

Ярослава насупилась:

- Что-то мне ничего не понятно. Может, и не заблудилась ты вовсе! Может, тут твой грифон. Надо к бабушке идти, авось, она разберется.

- А она кто, бабушка твоя?

Ярослава вздернула подбородок:

- О! Бабушка моя - ведунья, каких мало! Она такое волхование знает! - она округлила глаза. - Может, она со шкатулкой тебе поможет...

– Ну, пошли, тогда, – Катя привстала с лавки.

Ярушка внимательно посмотрела на нее, с ног до головы, хмыкнула:

– Ты куда в таком наряде собралась-то? Народ перепугаешь.

Катя снова села на лавку, озадаченно поправила свитер:

– А что делать тогда?

– Нельзя! В такой срамной одежде хоть по городу идти, хоть огородами, а все одно – увидят! Опозоримся!

При этих словах она достала из маленького сундука с плоской крышкой, что стоял рядом с кроватью, светлое платье, такого же простого кроя, как и у нее самой, только с широкой красной вышивкой по груди и плечам. Передала его Кате, положила на кровать широкий тканый пояс, ленты, верхнюю рубаху, чуть короче и шире, скромно расшитую по подолу. Под ноги бросила светло-серые туфельки:

– Переодевайся скорее! Бабушка за городом сейчас. Заодно посмотришь, как мы живем, – и подмигнула Кате, – небось, интересно?

* * *

Ярушкин дом оказался довольно большим и светлым.

«Что-то дом больно велик», – мелькнуло у Кати: по количеству переходов и коридоров он мог сравниться с небольшим кремлем. Некоторые переходы упирались в какие-то помещения, другие уводили, казалось, в никуда – то просто обрывались забитой досками дверью, то переходили в новые лабиринты.

И двери, двери...

Будто живет здесь большая семья.

– Дом просто огромный! – не удержалась Катя. – И пустынный, будто нежилой. Как так?

Ярослава только рукой махнула:

– Много знать будешь – до ночи не доживешь, – хохотнула она. Катя замерла. – Да брось, шучу я. Это он снутри такой большой. Снаружи – простой, как у всех.

– А зачем?

Ярослава, лукаво посмотрела на испугавшуюся подругу:

– А, видать, гостей много бывает...

И стремглав бросилась по какой-то лестнице, унося с собой звуки и тепло.

Дом, словно живой, сразу стал приглядываться к Кате. Она почувствовала его строгий взгляд, сухое дыхание.

– Подожди! – крикнула она уносившейся непонятно куда Ярушке. – Я ж дороги не знаю!

– Так догоняй!

Она догнала ее уже на длинном мосту, увитом лилово-красными цветами, после чего они обе оказались в основной части дома.

– Ты чего такая пуганная? – смеялась Ярослава. – Светелка моя – в легкой части дома, в ней гости живут разные... И не все они люди в том виде, к какому ты привыкла. Вот для того, чтоб они в мир живых не перебирались, и придумала бабушка этот мост.

– А зачем ты сейчас там живешь?

Ярослава остановилась. Строго посмотрела на Катю:

– Там силы больше, книги лучше запоминаются, – Ярослава приглушила голос, доведя его до зловещего шепота, – особенно ночью.

Катя побледнела.

Ярушка посмотрела ей в глаза и снова расхохоталась:

– Да не пужайся ты так! Шучу я! Шучу...

И выскочила на крыльцо, громко топая по дощатому полу.

Катя выскользнула за ней, спиной почувствовав, как сжимается за спиной пространство.

Отбежав несколько шагов от крыльца, она оглянулась: перед ней стояла обыкновенная деревенская изба на высоких сваях-столбах – четыре окна по фасаду, с кровлей, изукрашенной кружевами. Хороший, добротный дом. Ни тебе двух этажей. Ни перехода с лилово-красными кружевами.

– Чудеса, – прошептала она.

Ярушка нетерпеливо топталась за калиткой:

– Чего встала, побежали уже!

* * *

Катя вертела головой, стараясь запомнить все до мелочей, но глаза не успевали фиксировать все, что попадалось: вот ребятишки в одних перепачканных золотой рубашонках упругой веточкой дразнили гусят, те сердились, верещали, пытались щипнуть за пятки. А ребятишки залиристо хохотали, пока из-за распахнутых соседских ворот величественно и важно не выплыла гусыня. Тут уж малышня пискнула и бросилась врассыпную, отбиваясь от мамыши ветками, пока та не загнала их в крапиву.

Вот посередине дороги мальчишки-подростки везли на низкой повозке огромную бочку с водой, покрикивая:

– Во-оду везем! Кому во-оду надоть!

За ними, словно стайка воробьев, торопилась местная мелюзга, готовая броситься на помощь и отвоевать в честном бою право подать ковш чистой воды конному всаднику: тот, чинно позвякивая кольчугой, выводил лошадь со двора.

Катя прищурилась, ослепленная то ли бликами воды, то ли блеском начищенных до зеркального блеска доспехов.

– Ярослава! – позвал всадник. – Подь сюды!

Ярушка подбежала:

– Здравия тебе, дядя Степан.

– И тебе добра, – он наклонился к Ярушке, почти на ухо прошептал: – бабушка твоя не дома, что ль?

Ярослава отрицательно качнула головой. Воин вытащил из сумы, прикрепленной к седлу коня, сверток:

– На, ей передай. Кажи, от меня, для закладки. Поняла ли? – Ярушка кивнула. – Ну, ступай!

И он, ласково потрепав подошедшего посмотреть на коня пацаненка, вскочил в седло и поскакал в сторону широкой главной улицы.

Ярушка, проводив его взглядом, тихо бросила Кате:

– Погоди тут, – а сама бросилась со свертком в дом.

Катя осталась одна.

Как новая достопримечательность.

Ее тут же обступили ребяташки:

– А ты кто такая будешь?

– Я? – Катя растерялась и брякнула первое, что пришло ей в голову. – Сестра Ярушки.

– А сестра у нее Марьюшка, знаем ее. Ты – не Марьюшка, – донимал вопросами рыжий конопатый пацан.

– Так я и не Марьюшка, Катей меня зовут.

– А откуда ты?

– А ну, брысь, мелюзга! – из-за ворот своего дома показалась Ярослава, грозно крикнула: – А то мороку сейчас напущу!

Ребяташки с визгом разбежались, попрятались за соседскими воротами. Старик, только что пригревшийся на завалинке, седой, с широким шрамом через всю щеку, только неодобрительно крякнул:

– Ох, Ярослава, доскачешься у меня. Бабке-то твоей кажу, что ребяташек пужаешь!

Ярушка покраснела:

– Да я шучу же, дядь Макар. Доброго тебе здоровьичка.

Старик только головой покачал. Ярослава же торопливо дернула Катю за рукав, уводя в сторону главной улицы.

Катя словно в пчелиный улей с головой нырнула: улица оказалась шумной и многолюдной. По широкой, выложенной тяжелыми деревянными плахами, проезжей части, громяхая, тянулись повозки, горланили возничие, шумно

фыркали лошади; перекрикивая весь этот гомони и скрип, раздавал распоряжения воин, вокруг которого уже сформировался небольшой конный отряд.

Да еще Ярушка рядом трещала без умолку, словно сумасшедший экскурсовод:

– А это дом старосты, Матвея Кузьмича, – показывала она куда-то вправо, где высился красивый дом с небольшой башенкой-флюгером. – А там, за поворотом, – Ярослава дернула Катю за рукав, – греческая слобода.

– Это как? – не поняла Катя. – Греки что ль живут?

– Ну да.

Катя с любопытством вытянула шею: от главной, широкой улицы, по которой тянулись с грохотом груженные телеги, суетилось несколько всадников, понукая замешкавшийся обоз, уходила тонкая улочка, вся в кустах сирени.

По обе стороны улицы величественно выглядывали из-за массивных оград добротные дома, крытые красными черепичными крышами, с затейливыми фигурками на острых шпилях. Правда, насколько хватало взгляда, дома выглядели немного заброшенно, а некоторые так и вовсе оказались заколоченными.

– А что, не живет там никто?

Ярушка посмотрела на дома:

– Да, почитай, что никто. Многие съехали.

– Почему?

Ярушка бросила задумчивый взгляд на пожилого мужика: его телега перегородила дорогу, а он торопливо, под окрики вооруженного всадника, пристраивал упавший с обоза серый мешок, и ворчал:

– Да не ори-ж ты, как на пожарище, деток понапужаешь!

В одной из телег на куче мешков, испуганно жались к молодой матери двое ребятишек, третьего, еще совсем кроху, женщина прижимала к груди.

Ярушка кивнула на них:

– Видишь, и эти едут...

– Куда?

Ярослава вздохнула:

– А куда глаза глядят... Знамо дело, на север.

– А там что?

Ярослава искоса на нее глянула, будто рублем одарила:

– А там джунгар нету. Вот, по теплу народ-то и едет.

– Джунгары – это кто? – Катя не могла сообразить, кто бы это мог быть.

Ярослава неопределенно махнула рукой на юг:

– Народ такой, очень злобный и воинственный. Все набегамы живут. И нам, и соседям достается. Уж мы стену построили от Иртыша до Тобола, спокойнее стало. Да все равно народ едет, в стороне-то от них куда спокойнее.

Девочки свернули к северным воротам Тавды, миновав снующих туда-сюда ребятишек, пастушка лет десяти, загонявшего корову хозяевам. Белобрысый пастушок махнул Ярушке рукой:

– Ярушка! Стой! Ты далече собралась? Завтра ж жаб якутских привезут!

Катя вздернула брови – вот еще один про жаб говорит.

– Привет, Митря, – величественно кивнула Ярослава, чуть сбавляя шаг. – Помню я.

– А-а-а, – протянул паренек и пошел с ними, подталкивая вперед корову с большим белым пятном на ухе.

Ярослава при этом выглядела озадаченно и даже расстроено. По всему видно, якутские жабы – вещь редкая в здешних местах, и ждала их она давно. Она закусила губу и недовольно сопела, то и дело поглядывая на рыжего Митрю. Вдруг она схватила его за рукав:

– Ты знаешь что. Коли не будет меня, возьми и на мою долю, я дней через пять точно буду. Да смотри, без меня не начинай!!!

Парнишка медленно кивнул и побежал по дороге дальше, но, пробежав несколько метров, вернулся. Веснушки краснели на его улыбчивом лице:

– Яруш...

– Чего? – Ярослава прищурилась. Митря медлил, поглядывая то на незнакомую ему Катю, но в высокое голубое небо. – Да не теми ты!

– Можно я твоим скажу, будто всех жаб для тебя прикупил?

Ярослава подбоченилась и остановилась совсем:

– С чего бы это?

Митря моргнул:

– Да меня больно мамка ругает за живность всяческую... А жаб – так вообще не шибко уважает. А коли ты куда собираешься, так я б их у тебя схоронил до твоего возвращения.

Ярослава, снова стала величественной и спокойной:

– Ну, хорошо. Пусть так! Да ты следи, чтоб не издохли-то!

Но Митря уже не слышал: он уже отворял ворота, подгоняя самое ленивое животное.

– А что это за жабы такие? – поинтересовалась Катя. – Уже второй раз про них слышу.

– О! Большая редкость. Они ж жуть какие ядовитые! Их ядом джунгары стрелы свои метят, чтоб урону больше причинить, – воодушевилась Ярушка. – А мы с Митрей хотели опыты с ними делать – приучить к их яду мышей. Если все верно выйдет, то получим противоядие.

– А если не удастся? Мышей не жалко?

Видимо, этот вопрос тоже сильно мучил Ярославу: она закусила губу и засопела.

– Ну, мы их сильно травить не будем, – неуверенно начала она. – Ничего с ними не должно произойти.

И она ускорила шаг, словно убегая от дальнейших расспросов.

Глава 7. Могиня

Девочки миновали городские ворота, выйдя следом за груженым обозом того самого мужичка, чья телега перегородила дорогу.

– Эй, Яруш, подвезти может? – крикнул он ей.

– Не, спасибо, дядь Кондрат, нам тут недалече, через Струйку, до опушки мы.

Кондрат помрачнел:

– А-а-а, ясно, – протянул с пониманием, – к бабушке торопишься, кроду жечь...

Ярослава кивнула. Кондратий печально кивнул:

– А мы, вишь, едем, – он помолчал, задумчиво поглаживая бороду, – Один я остался, Яруш. Матрена моя померла зимой, как сынка нашего, Ростислава, убило в бою. Вот, жинка его осталась, да детки. Хоть бы мне внучат поднять, людей из них вырастить. Пропади пропадом джунгары проклятые, что сиротами их сделали.

Ярослава молчала, медленно шагая рядом с телегой.

– А что, далече едете?

Дед Кондрат невесело хмыкнул:

– Сейчас до Тюмени-града. Там родня Матренина, к себе зовут, – он глянул на Ярушку, – Ты, Яруш, за домом нашим тож приглядывай, да?

– Вернетесь?

– Да, может, и вернемся... – Кондратий неопределенно повел плечом, посмотрел на дорогу.

Ярослава и Катя свернули с дороги, двинулись по тропинке в сторону леса.

Там, Катя видела уже отсюда, собралось много народа.

– А что там?

Ярушка, еще мрачная после разговора с дедом Кондратом, посмотрела вдаль:

– Кроду сейчас жечь будут.

– А это что?

– Увидишь...

Они миновали неглубокую речку Струйку, подошли ближе.

На окраине леса, за линией черной свежевскопанной земли, уже возвышался широкий помост, сложенный из бревен, сена и коры. На помосте, плотно укутанные в белый саван, лежали несколько мужчин.

По одному, поднимаясь к каждому из них на помост, подходили люди: женщины, мужчины, старики, – подносили цветы, целовали в лоб и медленно спускались с помоста.

– Кто это?

Ярослава сорвала несколько цветов, собрала в букет:

– Аким, Никанор, Перебей, Коловрат. Все четверо погибли в стычке с джунгарами – те на прорыв пошли, ниже по течению. А наши споймали их отряд, бой приняли. Да вот, не все уцелели, – она указала на худенькую старушку в красной одежде, руководившую процессией. – Вон и бабушка моя, – она серьезно взглянула на Катю. – Ты постой тут, ладно? Нам лишние вопросы сейчас не надобны, верно?

И пошла в сторону помоста, а Катя присела на разогретый солнцем камень.

Она знала этот обряд.

Помост посреди круга – крода. Ее складывали из бревен, переложенных корой, сухой травой и соломой. Как день к ночи клониться начнет, ее подожгут, чтобы уходящее за горизонт солнце забрало дух их брата, мужа или отца. Там его встретит родня, проведет куда надо. И погибший воин будет защищать свою землю и свою семью. Только уже с той, с другой стороны.

Она видела, как Ярослава взошла на помост, положила цветы каждому из погибших воинов, легко сбежала с помоста, подошла к бабушке, встала с ней рядом.

Теплый ветер вместе с горьковатым запахом полыни донес зычный голос пожилой ведуньи:

– Отправляется Аким к Роду своему! – и подожгла один край кроды. –
Отправляется Никанор к Роду своему! – и подожгла другой край.

Яркий огонь, хватаясь за солому, загудел.

– Отправляется Перебей к Роду своему! Отправляется Коловрат к Роду своему!
Прими, Сварог, братьев наших, проведи, вечно молодая Мара, их в мир Правный.

Огонь деловито занимался, поднимаясь все выше, цепляясь за бревна, перекидывая пламенные языки ярус за ярусом, пока не подобрался укутанным в саван телам. Перед ними замер на мгновение, словно живой, преклонил перед воинами колени, обвил тонкими руками – змеями, обнял, словно родных. И через минуту уже укрыл оранжево-алым одеялом.

Люди вышли за круг, взялись за руки, потянули хоровод. В начале медленно напевая слова, затем ускоряясь. Катя видела, как мелькает, подпрыгивая, Ярушкина коса с голубой лентой, да возносится к краснеющему небу темный дым кроды.

Сердце Кати тоскливо сжалось: ей вспомнился такой же костер, только в разы больший, собранный по погибшему близкому ей человеку.

Память напряглась, выхватывая из прошлого обрывки воспоминаний.

Крутая лестница. Укутанный белым погребальным саваном мужчина. Она наклоняется, целует восковой лоб, ей больно, и она плачет. Рядом чья-то твердая рука ведет ее вниз, с лестницы. Она поднимает глаза и видит огромный корабль, ладью, словно сошедшую с иллюстраций сказки про Садко. Огонь взбирается по доскам, оставляя лишь память о том человеке, с узким восковым лицом и шрамом через правую щеку.

Отчего так больно?

Кто он ей?

Воспоминание, полыхнувшее острым лезвием, заставило застонать: в той кроде был ее дед. И звали его Любомир.

Катя потерла виски. Ей показалось, что она медленно сходит с ума: она точно знала, что никаких Любомиров в ее родне отродясь не было. Но вместе с тем, она отчетливо понимала, что когда-то действительно была на похоронах своего деда – мужчины со странным славянским именем, с узким восковым лицом и шрамом через правую щеку, и даже могла детально описать ту кроду и полыхнувший костер...

Решив, что она не в силах разгадать этот диковинный ребус, она положила это некстати всплывшее воспоминание подальше, на задворки сознания, и благополучно о нем забыла.

* * *

Вернулись поздно.

Всю обратную дорогу от поляны с полыхающей кродой до дома шли молча, слушая писк комаров да разношерстное кваканье лягушек. Короткие сибирские сумерки уже сверкали синевой, а сверчки спели не одну песню, когда они, наконец, переступили порог дома Ярушкиной бабушки.

Катя, вытянув от любопытства шею, заглядывала через покатое плечо пожилой женщины: стоило ей только потянуться к двери в дом, как тот словно ожил – внутри что-то скрипнуло, заклокотало, проем как будто молодецкато расширился, пропуская хозяйку внутрь. В щель открывающейся двери Катя видела, как внутреннее пространство раздвигается, и простая, довольно тесная деревянная изба на глазах превращается в просторный терем.

Девочка ахнула, заметив, как полыхнула огнем затопленная сама собой печь, украшенная яркими, солнечными изразцами, а большой дубовый стол по-солдатски подровнялся по стойке «смирно», пихнув в бок замешкавшуюся лавку.

Ярушкина бабушка, искоса поглядывая на незнакомую девочку, кивнула в сторону открывшегося перехода.

– Наверх пойдём, – тихо скомандовала она, и проворно направилась через галерею.

В это же мгновение над её головой с легким щелчком возник и торжественно поплыл впереди, освещая им дорогу, изумрудно-белый шар света.

Войдя в комнату Ярушки, старушка села во главе стола, уперлась острыми локтями в темную поверхность:

– Слушаю вас, девицы – красавицы.

Катя осторожно присела на край лавки. Ярослава – рядом с ней. Толкнула легонько в бок:

– Сказывай.

Катя выдохнула.

– У меня мама пропала, – решила она начать с главного. – Растаяла прямо посреди комнаты.

И припоминая подробности произошедшего, – и про кошку-Могиню в окне, и про шкатулку, и про трех грабителей, – стала рассказывать, пока не выпалила как скороговорку:

– Я от этого зверя бросилась бежать, лампа стала гореть ярче у одной двери, я ее толкнула, что было сил, и оказалась здесь, в этой самой комнате.

В этом месте голос ее предательски дрогнул, и она заревела:

– Я заблудилась, понимаете? Я теперь не знаю, как мне домой вернуться, как мне маму найти!..

Ярушкина бабушка задумчиво уставилась в стол. Дверь комнаты медленно открылась, в нее проскользнула молодая женщина с ребенком на руках:

– Ах, вот вы где! – воскликнула. – А мы с Марьюшкой обыскались вас.

Тут гостя заметила незнакомую ей девочку, с красными от слез глазами, торопливо вытиравшую их рукавом, и напряжение, царившее за столом:

– Что это вы тут?

Бабушка кивнула ей приветливо, улыбнулась:

– Садись, дочь моя Ефросинья, у нас разговор сейчас будет, – тут она внимательно посмотрела на Катю. – А теперь все в подробностях рассказывай: матушка твоя как утренний туман рассеялась, али зорькой утренней растаяла?

Катя задумалась: она с трудом могла представить, чем отличается утренний туман от вечерней зорьки:

– Как утренний туман, – предположила она и пояснила: – Только туман просто тает, а мама светилась, и будто в свет превратилась. Как облако.

– Значит, как зорька вечерняя, – задумчиво хмыкнула старушка, – рассказывай дальше. Теперь про посох рассказывай.

Катя подробно описала посох, каким увидела его на рисунке.

Старушка скривилась:

– Не Велесов посох начертан был. Что угодно, да токмо не он: на нем цепочкой тонёхонькой знаки начертаны тайные, а никаких кустов вокруг быть и не могло. Дальше говори: коридор опиши.

А сама встала, подошла к сундуку, из которого вывалилась Катя несколько часов назад. Сокрушенно поцокала языком на выломанный замок, осторожно заглянула внутрь, прислушалась.

Катя тем временем, иногда вытягивая шею и заглядывая под локоть Ярушкиной бабушке, послушно описывала коридор внутри шкатулки, многочисленные двери.

В конце рассказа аккуратно положила на стол шкатулку. Медленно, дрожащими пальцами, разложила перед хозяевами моток ярко-красных ниток со штопальной иглой и камень.

Искоса она глянула на старушку: вдруг, как и те трое бандитов, она не видит шкатулку. Но нет. По удивленному взгляду цепких, совсем не старушечьих глаз, было ясно – все видит, и, кажется, узнает.

Ярушкина бабушка задумчиво смотрела на шкатулку.

Молчала. Думала. Катя ждала.

Тут старушка глянула на Ярославу, да так, что та аж подскочила со скамьи, будто ее кипятком ошпарили.

– А ну-ка, внучка, затвори-ка ставенки, да так, чтоб ни одна живая душа не увидала – не услышала. Посмотрю заодно, чему тебя Стар научил...

При этих словах Ярушка изменилась, приосанилась, повзрослела.

Она вскочила на лавку, повернулась к окну и начала что-то тихо шептать, а руки у нее словно птицы то взлетали вверх, то замирали, то падали камнем вниз. То волной шли вдоль горизонта.

Катя прислушалась.

– Приди морок темный, – шептала Ярослава, – приходи на помощь в час вечерний, закрой – занавесь окна туманом, затвори ставни полуночью, унеси прочь голоса да звуки, да спрячь до поры до времени под тяжел камень на дне моря-окияна.

Катя внезапно почувствовала, что пространство вокруг уплотнилось и ожило.

Яркие цвета стали смазываться и таять, а звуки, еще доносившиеся с соседских дворов, потеряли четкость. И пока Ярушка говорила, повторяя раз за разом одни и те же слова, из пальцев ее тек тонкими струйками серый дымок и застилал

окно, словно занавесом, медленно полз по стенам светелки, карабкался к потолку и устилал ковром дощатый пол.

И чем дольше девочка нашептывала те слова, тем плотнее становился серый дымок, постепенно сгущаясь, уплотняясь. Изумрудно-белый шар, моргнув, потускнел и погас.

В светелке стало тихо и темно как в беззвездную ночь: Катя слышала лишь биение своего сердца и шелест неровного дыхания.

Но уже через мгновение она почувствовала рядом с собой движение. Это старушка повела рукой, и на столе появилась толстая восковая свеча. Повела рукой еще раз – несмелый огонек сверкнул на фитильке.

Свет от свечи небольшим кружком лег на стол, мягко освещая лица собравшихся женщин.

Катя с ужасом огляделась вокруг. Комната преобразилась. За их спинами стеной клубилась мгла. Темный туман плотным и живым покрывалом струился по стенам, сделав невидимыми дверь и окно, тонким шелковым ковром застилал пол. Он клубился, переливался всеми оттенками серого, местами становясь белым как пепел, а местами угольно-черным. Казалось, этот колдовской туман съел все цвета и звуки, оставляя лишь обезличенный серый.

– Ну что ж, внучка, знатная работа, – казалось, старуха была удовлетворена тем, что наделала внучка. – Теперича слова мои ни явьим, ни навьим ушам не доступны будут.

Катя переводила взгляд с появившейся из воздуха свечи на серый сумрак вокруг, ошалело раскрыв рот:

– Вы что, колдуньи?

– Э-нет, внучка, – улыбнулась старушка и любовно посмотрела на Ярославу. – Колдуньей у нас Ярушка будет, как вырастет да выучится. А я просто ведьма, – она многозначительно подняла вверх крючковатый палец. – Могиней меня величают.

При этих словах Катя ахнула: мама просила не ругать Могиню, говорила, что не ее вина. Катя подумала, что Могиня – это черная кошка. А выходит – бабушка Ярославы? Она внимательнее присмотрела к ней.

Глава 8. Сундук

– Ну, ты чего уставилась на меня, будто пень говорящий увидела? – усмехнулась старушка. – Ты лучше слушай... Сундук энтот, – она кивнула на притаившийся у стены кованный сундук, – с незапамятных времен в нашем роду хранится. И бабка моя о ем много чего знала. Да не обо всем сказывала, – старушка стукнула указательным пальцем по столу. – Ты, внучка, верно подметила, что связаны они как-то: твоя шкатулка и сундук энтот. О том я не ведала, теперь ясно стало.

– А откуда он у нас, бабушка? – это Ярослава, внимательно вглядываясь в привычную вещицу, все удивлялась.

– Говорю ж, со времен незапамятных. Еще бабка моя им владела, а до нее – ее родня. Ефросиньюшка-то, дочка моя, (она кивнула на женщину с ребенком, сидевшую в комнате) у меня еще девчонкой сопливой бегала, когда бабка моя помирать собралась. Вот и сказала мне, что сундук беречь надобно, что с ним-де пророчество какое-то связано.

– А что за пророчество? – глаза у Ярушки округлились, превратились в два васильковых блюдца.

– Будто знание древнее через него придет, – старушка понизила голос до шепота. – И поведала она еще, как из того сундука в коридор тайный попасть, да как в том коридоре старые тропы открывать, али новые прокладывать. Приметки расставлять. Сколько лет живу на свете, а чудес, какие на тех тропах открываются, еще не видывала. И вот прямо супротив меня сидит еще одно чудо.

Она замолчала. Посмотрела на Катю через свечное пламя:

– Родня мы с тобой, значит. Ты – по ту сторону хода, я – по энту. Ты в своем времени, я – в своем.

Катя замерла:

– Это как?!

Могиня задумчиво качнула головой, встала, прошлась вокруг стола:

– Такие вещицы только внутри рода передаются, от отца к сыну, от матери к дочке. У нас повелось, что от бабки к внучке. Дочка у меня одна. Вот бабушка ей и передала искусство свое. Оттого в ней, Ефросиньюшке моей, сила скопилась матушки моей, знатной травницы.

Катя пожала плечами:

– Я не знаю, откуда у моей мамы эта шкатулка. Может, подарил кто... Или купила.

Могиня расхохоталась так, что серый туман, напущенный Ярушкой, забеспокоился, вихрем взвился к потолку.

– «Подарил»... «Купила»... Ой, видать, не научили тебя ничему. Кто ж такие вещи покупает-продает?! Они и служить-то не будут чужаку! А тебе, видишь, сослужили. И то, что кошка Могиня к тебе в дом проходила через нее – верное доказательство родства нашего. Верней всего, как помру, кошкой и обернусь, чтобы между мирами шастать, да за родней приглядывать.

– Ну, может быть, – Катя неуверенно кивнула, – Вы в самом деле моя прабабушка.

– Так и я о том же. И секрет твоей шкатулки нам всем открылся, а твоим разбойникам – нет. Потому как кровь в нас единая бежит.

– Бабушка Могиня? Так если Вы – эта самая кошка и есть, да шкатулки связаны, может, мне снова в сундук нырнуть, да в коридоре оказаться и все посмотреть, грифона поискать? Может, я тогда маму найду? – с надеждой посмотрела на нее

Катя.

- А упря того куда девать? Слышь, как скребется?

И Катя, к своему ужасу, услышала, как из глубины кованного сундука доносится подвывание, стоны, скрип и шуршание.

Могиня, между тем, продолжила:

- Матушка твоя, видать, большая мастерица по части волхования. И дело не только в шкатулке этой, хоть она посильнее сундука моего будет. Камень этот, - она взглянула на отливающий синим цветом камень, - всем камням камень, силу он имеет тайную. Гляди, - и она легонько оттолкнула камень от Кати. Тот, мгновенно побагровев, загудел, и, рассыпавшись искрами, вернулся на прежнее место.

- Ого! - Ярослава привстала от удивления.

- Он тебя к матушке твоей выведет, и беду уведет в сторону, - заключила Могиня. - И моток ниток с иглой - тоже путеводные.

- Так это они, может, карта?

- Может, и так, - кивнула старушка, - не простые они, с секретом большим. Чую - твоей матушки работа, али еще какого волхва мудрого, и могу сказать с точностью, вещицы эти очень древние, и в них ключ от всех тайн, - она помолчала, внимательно вглядываясь в разложенные на столе предметы, и добавила, снизив голос до глухого, еле различимого шепота: Больше того скажу, на них защита от чужого глаза стоит, да такая ловкая, что даже мне ее сходу не разобрать.

Катя вздохнула, посмотрела на Ярушку, Могиню и Ефросинью с дочкой Марьюшкой, все это время тихо игравшей с рукоделием старшей сестры. Собрала свертки, положила назад, в шкатулку:

- Нет, что-то здесь не так. Мама никогда не занималась колдовством и волхованием. Она директор краевого музея! Понимаете? Ученый человек! - она

подняла вверх указательный палец. – Не ей ересью всякой заниматься.

Глаза старушки потемнели:

– Ересью, говоришь? – она привстала, и дымок вокруг нее замер, словно окаменел. Кате почему-то стало тяжело дышать: – А то, что Ярушка делала нынче – тоже ересь?!

Катя кивнула, шумно сглотну.

– Так, может, на костер нас, еретичек? Али в реку с камнем на шее?!

– Бабушка Могиня, Вы что такое говорите? – испугалась Катя. – Я не это имела ввиду, честное слово... Я про то, что мы все в это не верим... Не может моя мама знать все это, – Катя примирительно обвела руками их узкое, отгороженное от мира темным дымом пространство.

Старушка замолчала, успокаиваясь. Потом усмехнулась:

– Ты говори-говори, внучка, да не заговаривайся. Края у нас суровые, люди тебя по-всякому понять могут... Да и времена нынче беспокойные. А про то, что матушка твоя к ведовству не пригодная, так о том мне не ведомо. Вижу то, что говорю. Через тебя вижу. Поживем-увидим...

У Кати снова зашумело в голове. Она так надеялась, что сейчас узнает разгадку всей этой странной истории, все решится, и маму просто приведут из другой комнаты.

«Загадок стало только больше, и теперь вообще не ясно, зачем я сюда попала», – мелькнуло у нее в голове.

Тишину нарушил голос Ярушки:

– Бабушка, а что, если дядюшка Стар поможет разгадать?

Старушка хмыкнула недоверчиво, но Катя, услышав, ухватилась за эту идею как за спасательный круг.

– Вдруг и вправду поможет. А кто это?

– Это учитель мой, – ответила с готовностью Ярослава, – волхв из Аркаима, очень сведущ в книгах древних. Может, он что и встречал, – заметив, что бабушка и мать считают идею обратиться к учителю сомнительной, Ярушка, стала приводить новые аргументы в защиту своей идеи. – Ведь ты сама сказывала, что сундук этот древний-предревний, так о том в книгах древних указание должно быть!

Бабушка призадумалась. Видно, уж очень ей не хотелось привлекать к этому делу волхва.

– Дело-то семейное, – с сомнением пробормотала она, вглядываясь в облака темного тумана, наведенного Ярославой – а он – чужая кровь.

– Бабушка! – завела было Ярослава, но Могиня глянула на нее так, что та примолкла, отвела взгляд.

– Сами управимся, – отрезала она и обернулась к Ефросинье. – Дед Елизар остался ночью за кродой приглядывать, ты же, Ефросинья, наутро домовину наполни, да родне Акима, Никанора, Коловрата да Перебея передай, – женщина кивнула в ответ. – Мне же с первой росой на дальнюю заимку надобно: ночь завтра редкая, кой-чего пособирать надо. Посоветоваться кой-с-кем.

– Ярушку здесь оставишь? С собой же хотела взять, – поинтересовалась Ефросинья, забрав из рук малышки Марьюшки нитки, и сматывая их в аккуратный клубочек.

– Хотела взять – да не буду. Не оставлять же ей свою гостью, – при этих словах бабушки Ярослава нахмурилась, искоса глянула на Катю, но спорить не стала. Могиня поднялась из-за стола: – На том и порешим: как возвернусь с заимки, посмотрю шкатулку снова.

И одним движением развеяв туман, вышла из светелки.

Глава 9. Портрет

Катя и Ярослава остались одни.

Ярослава зажгла оставленную Могиней свечу, плотнее закрыла ставни.

Тавда молчала, окутанная пением сверчков и тихими шорохами листвы. Вдалеке брехливо лаяла собака, да перекрикивались стражники.

– Ярушка, – тихо ее позвала Катя. – А что, бабушка твоя и вправду... – она осеклась, не решаясь закончить фразу.

– Что «вправду»? – не поняла та. Катя оглянулась на дверь.

– Ведьма? – прошептала она, округлив глаза.

Ярослава поправила:

– Вернее, ведунья.

– А разница есть?

– А то! Конечно, есть, – Ярослава со знанием дела расправила рукава, устроилась за столом, – ведунья – это духовидица, дар свой от богов получает, а ведьма – от слова «ведать», знать, то есть она сама этой науке учится. Поняла ли?

Катя опасливо оглянулась на дверь.

– Да не особо.

– Ну, вот гляди, – Ярослава наклонилась, почти легла грудью на стол. – Ведьма может дурное слово сказать, вред причинить, потому что знает, какое слово сказать надо. И исправить беду сможет, только ежели слово обратное знает. А ежели не знает, то все, почитай, нету спасения. А ведунье знать то слово не обязательно, ей всего лишь пожелать надобно, хорошего ли, плохого ли... и оно

случается. Сила в ней такая огромная. Понимаешь теперь?

Катя поежилась:

– А бабушка твоя тоже может и плохое, и хорошее желать?

– Бабушка злого не делает. Потому как знает, как зло выглядит! – внушительно объяснила Ярослава.

– А вы не скрываете, что колдовством и магией занимаетесь? – удивилась Катя. Ярушка вопросительно вздернула брови. – Ну, понимаешь, это же странно как-то.

– Странно, что ты носишь мужские портки, и не стыдишься того, – огрызнулась Ярушка.

Она резко встала и переставила свечу на сундук рядом с кроватью.

– Что странного в колдовстве? – продолжила Ярушка, вернувшись на свое место. – Обычное дело, важное и нужное. Бабушку очень уважают. Ее потому Могиней и величают. К ней из самого Тобольска приезжали князья тамошние великие да бояре, – добавила она благоговейным шепотом.

Но в следующее мгновение она задумчиво добавила:

– Но, знаешь, твоя правда, бабушка сказывала, что времена нынче ох какие беспокойные. Идешь по улице, а в спину могут и камень бросить... Боятся люди всего. И более всего того, что не понимают.

Она вышла из-за стола:

– Спать надо собираться.

Сняла верхнее платье, аккуратно разложила его на лавке, расплела косу, вынула из волос измятую ленту и плотно намотала на деревянную катушку.

– А ты чего сидишь? Спать ложись!

– Как же мне маму найти? – с тоской прошептала Катя.

Ярослава присела на край кровати, вынула из – под подушки гребень, стала причесывать волосы:

– Слышала же: бабушка с заимки возвратится, там и решим. Пока ждать велено.

Катя пересела ближе к Ярушке, перехватила ее горячую ладонь.

– А если с мамой беда? – вздохнула Катя. – Если ждать нельзя никак?

Ярослава отложила в сторону гребень, посмотрела на огонь:

– Сами мы все равно ничего не сделаем, – и, будто спохватившись, добавила: – Спать ложись!

Быстро задула свечу и юркнула под одеяло.

Комната погрузилась во мрак: только через узкие щели ставен тонкой лентой тянулся лунный свет, едва освещая фигуру уткнувшейся в подушку Ярославы.

Катя прислушалась: из кованного сундука то и дело доносился приглушенный шум, за дверью что-то мерно шуршало, поскрипывали половицы.

Она боязливо поежилась, быстро сбросила с себя верхнее платье и забралась под одеяло, ближе к стене.

* * *

Но сон все не шел. Катя все ворочалась с боку на бок, тихонько, чтобы не разбудить Ярославу.

Та порывисто вздохнула и неожиданно приподнялась на локте:

- Угомониться сегодня этот ирод треклятый?! - бросила она кованному сундуку.

- А оно всегда здесь так?

- Что «так»?

- Ну, все скрипит, вздыхает...

Ярослава потерла друг о друга ладони выпустив из них световой шарик размером не больше теннисного мяча.

- Всегда. Не бойся ты, через дверь ничто не зайдет, видишь, над ней пучок полыни и горлицы висит? - Катя бросила испуганный взгляд на закрепленный под потолком пучок травы и кивнула. - Ну, вот, а чрез них ни один злыдень не проскочит. Ты от этого не спишь?

- Я про сегодняшнее думаю: как маму найти? Что там эти бандиты дома у нас делают? Вдруг мама вернулась, а там - они?

Ярослава села, подоткнув под себя край одеяла (световой шар резко подпрыгнул, стал светить ярче):

- Ты думаешь, они еще там?

- А кто их знает? - Катя тоже села. - Они же посох этот ищут. Переворачивают там, наверное, все...

Ярослава пододвинулась ближе:

- Расскажи еще раз про посох, а?

Катя рассказала.

- Не было у нас с мамой никогда никакого посоха! - закончила она свой рассказ. - И эти, трое, тоже его не нашли... но ора-а-али! Один, Афросием у них зовется, а на самом деле его Ильей зовут, так тот меня ударил больно вот

сюда, – она потерла ладошкой скулу. – А потом...

– Чего «потом»? – прищурилась Ярослава. – Не таи уж, коли начала...

– Знаешь, – Катя снизила голос до едва различимого шепота, – они ведь меня чуть не убили.

Ярослава замерла.

– Да ну? – ее дыхание стало неровным. – Как так «чуть не убили»? Прямо по всамделишному?

Катя удобнее пристроила под поясницу подушку.

– Яруш, точно. Они и веревку достали.

Ярослава закусила губу.

– Хорошо, что тебе кошка эта подсказала, куда бежать.

Катя кивнула:

– Я стояла рядом со столом. На нем лежали шкатулка и все эти штуки, которые я вам показывала, – Катя наклонилась ближе к Ярушке, повернувшись так, чтобы свет освещал лицо подруги. – Они будто не видели ни шкатулку, ни все эти свертки, ничего! Понимаешь? Один там у них был, долговязый такой, противный, они его Шкодой звали, за главаря у них, видимо. И смотрит он на стол, рукой прямо рядом со шкатулкой водит, а не видит и не чувствует ее! Вот чудеса!

Ярушка потянула на себя одеяло.

– Ну, это-то, думается, не чудеса вовсе, это – то понятно, – задумчиво проговорила она. – Вещицы-то все эти не простые, зачарованные. Бабушка сказала же, что на них чары защитные, да такие, что и она сама разгадать их не может, – она мечтательно вздохнула. – Если уж даже бабушка... А она такое знает да умеет...

Катя осторожно взяла книгу, лежавшую рядом, на сундуке:

- Так ты что, и в наше с тобой родство веришь?

- Само собой! Просто так из сундуков не выскакивают! Только по крови можно перебраться, про это точно ведаю. Да и то, что кошка в твоих оконных отражениях Могиней зовется, как и бабушка, тоже о чем-то говорит! - она задумалась. - Бабушка кошек любит, говорит, что они сразу все миры видят: и Правь, и Явь, и Навь. Может, в одном из миров кошкой и живет.

- Твоя бабушка сказала, что переродится кошкой после смерти, - Катя скептически хмыкнула и от нечего делать открыла книгу посередине. И тут сердце ее замерло на миг и оборвалось - с нарисованного на развороте портрета на нее смотрела мама. Высокий лоб, золотистые волосы до плеч, глаза цвета байкальского льда - это не просто похожая на нее женщина, это она, Мирослава Мирошкина.

Девочка подалась вперед:

- Это кто? - голос дрожал и срывался.

Ярушка чуть вытянула шею, световой шар моргнул и передвинулся ближе к рисунку.

- Макошь, мать всего живого, покровительница дома и домашних дел. Книжка старая, картинки совсем стерлись, а эта - особенно, больно Макошь здесь хороша, прямо как живая на тебя смотрит...

- Да нет же! - прервала ее Катя. - Это мама моя, Мирослава Мирошкина!

Она с досадой посмотрела на Ярославу, в горле опять загорелся острый комок, мешавший дышать:

- Как такое возможно?

Ярослава взяла из Катиных рук книгу, сине-белый теннисный мячик спустился ниже, освещая изображение. Девочка пригляделась, переводя взгляд с него на

ошалевшую подругу:

- А похожа ведь...

- Яруш, как такое возможно?

Ярослава приблизила к Кате лицо, теперь световой шар крутился между ними, то подмигивая обоим, то замирая.

- А я скажу тебе, КАК. Твоя мама - ее праправнучка!

- Кого? - не поняла Катя.

- Макоши, конечно!

Катя могла понять любое объяснение этому странному совпадению, кроме этого.

- Это дикость, Ярослава! - она схватила сползшую с Ярушкиных коленей книгу, пристально разглядывая открывшуюся картинку. - И чушь полнейшая! В конце концов, Макошь - богиня, у нее не может быть потомков на земле, потому что ее самой нет, и не было никогда, это - миф, легенда, сказки для неграмотных, - она взглянула на Ярославу и покраснела. - Извини, конечно.

Но та не обратила внимание на обвинение в безграмотности.

- Катя, посуди сама! - с жаром начала Ярушка. - Шкатулка темного дерева очень древняя, такая, что даже моя бабушка не знает, что в ней за загадка сокрыта, предметы внутри нее сильные, зачарованные, тоже бабушке не открылись. Потом шкатулка и сундук - явно переходы из одного мира, твоего, в другой, мой мир. А хранительницей этих ходов всегда была Макошь, вот, смотри, здесь это написано, - она подсунула под нос Кати пожелтевшую страницу с диковинными буквами, подвешенными на веревочке. - Поэтому ты легко смогла перескочить из своего мира в мой: тебе это по рождению дано, понимаешь? - Ярослава все больше распалялась, убежденная в правоте своей догадки, но Катя не поддавалась:

– Бабушка Могиня сказала, что я с вами в родстве, шкатулка и сундук связаны. И если мама – правнучка Макоши, то и ты этой богине родственница! Сидим тут с тобой на одной кровати две наследницы Великой Богини, – она прищурилась. – Только бабушке Могине при этом, ни шкатулка, ни игла, ни камень не открылись!

Ярослава вскочила в постели во весь рост, едва не треснувшись макушкой о потолок.

– Но именно моя бабушка и прабабушка сделали этот коридор, по которому ты сюда забралась! – не унималась Ярушка.

И она победно, сверху вниз, глянула на собеседницу. Кате на это нечего было возразить. Хотя в родство с языческими богинями ей, конечно, совсем не верилось.

– Пстой, но ты-то сама должна знать, есть в тебе кровь Макоши или нет.

Ярослава изумилась:

– А вот и не обязательно! Мне еще нет пятнадцати лет, когда проходит посвящение, и старший в роду передает мне силу Рода, и его тайны мне становятся известны. Так что всякое может быть, – закончила она с сомнением в голосе.

– И бабушке твоей тоже нет пятнадцати, раз она не в курсе? – хохотнула Катя. – Нет, что-то не так в твоей теории.

– Все сходится. Книга древняя, все картины в ней подлинные – как видели чудеса, так здесь и изобразили. Так что Макошь точно так выглядела. И ты на нее похожа!

Катя устало выдохнула и закрыла книгу, вернула ее на сундук:

– Ерунда это все! Совпадение! – укрылась одеялом и отвернулась, оставив Ярославу и ее световой шар сидеть в задумчивости.

Каждая осталась при своем мнении.

А в голове у Ярославы созрел план.

Она осторожно отбросила в сторону одеяло. Над головой суетливо мелькнул и замер неяркий световой шар. Неотступно следуя за своей хозяйкой, он проплыл в сторону двери, и скрылся на лестнице.

Через мгновение стихли и осторожные шаги Ярославы.

Глава 10. Тайна Могини

Ярослава спустилась на один пролет вниз. Перед ней темнели три перехода, уводивших куда-то далеко. Она провела перед ними рукой, нарисовав в воздухе крест перед каждым из них. Тут же загорелись в ночи три алых знака, запечатавших проходы.

Девушка удовлетворенно хмыкнула и аккуратно ступила на следующий пролет. Бело-синий шарик над ее головой качнулся и величественно поплыл за хозяйкой.

Ярушка спустилась еще на один этаж и остановилась перед низенькой дверью, настолько низкой, что для того, чтобы пройти через нее, ей пришлось бы согнуться как минимум вдвое.

Она сделала земной поклон, широко коснувшись рукой теплого пола, а когда снова взглянула на дверь, та оказалась привычного размера, позволив ей без труда через нее пройти.

Ярослава на мгновение замерла. Острые кулачки сжались в нерешительности. Но в следующую секунду она толкнула дверь и проскользнула внутрь.

Она оказалась в небольшой, жарко натопленной комнатке, по периметру которой стройными рядами были развешены пучки трав, венки из растений и нанизанные на толстую льняную нить лепестки цветов.

В глубине комнаты перед раскрытой книгой сидела Могиня и дремала, подперев голову кулаком. По комнате разносилось ее ровное дыхание, изредка прерывавшееся раскатистым храпом.

Ярушка осторожно подошла ближе, присела на лавку напротив бабушки. И стала ждать.

Она облокотилась на стол, удобнее подперла голову. Посидела так минут пять. Привстала, дотянулась до стопки плоских подушек, аккуратно уложенных на сундуке, подложила одну на жесткую лавку и села на нее.

Минуту помедлив, вздохнула.

Положила голову на стол, заглядывая в лицо бабушки.

Синий шар над ее головой подрагивал, скучая. И неожиданно издал тихий, но отчетливый в ночной тишине гудок.

- Ш-ш, - шикнула на него Ярушка.

- Что хотела-то? - отозвалась бабушка Могиня, оборвав очередную порцию храпа.

Ярушка выпрямилась, по-школярски сложив руки на столе.

- Бабу-уля, я тебя разбудила, прости, пожалуйста...

Могиня поправила съехавший на лоб платок, насупилась:

- Ничего не разбудила. Не спала я... Знаешь же, внучка, бяссонница меня измотала вконец.

Ярушка мельком глянула на синий световой шар, внезапно покрывшийся трещинками. Торопливо продолжила:

- Ну, все равно, помешала ведь...

Бабушка кивнула, расправила книжную страницу, начала водить пальцем по ровным кумачовым строкам и проворчала:

– Шо верно, то верно. Занята я шибко. Так что не томи, говори, зачем пришла.

Ярослава набрала побольше воздуха в грудь и выпалила скороговоркой:

– Бабушка, ты давеча говорила, что прабабушка научила тебя как приметки делать. Так я прошу тебя и меня тому научить. Как там ходы тайные заповедные прокладывать в коридоре том.

Световой шар приобрел розоватый оттенок, предательски пискнув.

Могиня медленно подняла глаза на внуку, отодвинула книгу в сторону.

Ярослава вздрогнула – взгляд у бабушки стал тяжелым, пронизывающим насквозь. В голове, словно в раскрытой книге, картинками пронеслись Ярушкины чаяния о славе и могуществе великой ведьмы, владеющей древними знаниями своей семьи, помноженными на опыт и силу крови.

– А пошто не научить? – медленно растягивая слова проговорила наконец Могиня. Ярушка не поверила своим ушам, просияла. – Только верно ли поняла я тебя, дитяtko: хочешь знания тайные получить?

Ярушка с готовностью кивнула.

– А знаешь ли, что за них плата полагается?

Ярослава снова кивнула, но медленнее.

– И готова ли ты цену дорогую отдать за знания эти?

Голос Могини с каждым вопросом звучал все тише, все более пугающе. Ярослава едва дышала.

– Готова, бабушка, – прошептала она, и сразу поняла, что не спросила, какую цену возьмет с нее бабушка. Сердце заколотилось сильнее в груди.

Могиня, не сводя пристального взгляда с внучки, между тем, стала по часовой стрелке рисовать круги на столе. Она водила морщинистым крючковатым пальцем по темной поверхности, постепенно увеличивая их размер. Когда она вела рукой в сторону Ярушки, окружность подсвечивалась голубым светом, когда удалялась от нее – красным.

– Для меня и для тебя станет общей чаша сия, соль и хлеб – одни на двоих, тревоги твои – пусть услышу я их.

Ярослава не могла отвести глаз от этого искрящегося, разрастающегося между ними сине-красного вихря. Голова становилась все тяжелее, а руки будто приросли к столу и покрылись сеточкой морщин.

Девочке стоило бросить на них один короткий взгляд, чтобы понять страшное – она стареет. Быстро и неуклонно.

Сердце замерло и оборвалось, с грохотом упав в пятки. Она подняла темные от ужаса глаза и встретила со спокойно-равнодушным взглядом Могини.

– Бабушка, – вырвалось у нее из груди.

– Ты почто не спросила, какую цену следует заплатить за те знания? – глаза Могини становились все темнее, затягивая словно в омут, а голос звучал грозно, отчетливо чеканя каждое слово. – Почто согласилась на неведомое? По глупости, по недоумению?

– Бабушка, неужто такая цена? – шептала Ярушка, ощущая непосильным грузом на своих плечах год за годом. А лицо Могини, наоборот, разглаживалось и молодело: седые волосы набирались цвета, становясь темно-русыми, морщинки расправлялись, кожа разглаживалась, на щеках загорался девичий румянец.

– Каждая приметка – годочек, каждое словечко – минутка, каждый уголок – моя силушка.

– Бабушка, пощади, – взмолилась Ярушка под тяжестью лет, и тут же смолкла, не узнав свой голос – сухой, скрипящий, как ветки на ветру.

Могиня внезапно прекратила раскручивать вихрь, с силой хлопнув раскрытыми ладонями по столу. Сине-красная воронка между ними замерла на миг, медленно раскручиваясь против часовой стрелки, и тая.

– То-то же, – отрезала старушка, в одно мгновение вернув себе свои года, а Ярушке – молодость. – В другой раз думай, прежде чем просить. И запомни! Не проси ничего, куда сами не подадут тебе!

Ярослава одернула руки со стола, и опрометью бросилась к выходу. Синий световой шар с треском мчался за ней и едва успел проскользнуть в узкую щель, в которую нырнули Ярушкины пятки.

А Могиня невозмутимо приблизила к себе свою книгу, вновь углубившись в чтение.

Глава 11. Поганая проплешина

Серыми еще сумерками, как и велела Ирмина, Шкода, Афросий и Ключник, прибыли в деревню Федулки. Машина радостно урчала. Ключник постарался, хоть и малолетка, а укатил из папиного гаража новенький Лексус, темно-синий, с хромированными ручками, папину любимую тачку. Пока Ключник вез их по широкому безлюдному в ранний час шоссе, Шкода и Афросий разомлели от автомобильного тепла и тихо похрапывали.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Ма?ра – в славянской мифологии призрак, привидение. Персонаж низшей мифологии народов Европы. В европейской мифологии – злой дух, демон, садящийся по ночам на грудь и вызывающий дурные сны, сопровождающиеся удушьем под весом демона.

2

Петром I в 1700 году была проведена реформа, в соответствии с которой Россия стала использовать юлианский (древнеримский) календарь, по которому 7208 год от сотворения мира стал 1700 годом от Рождества Христова. Таким образом, 6915 год, в котором оказалась Катя, соответствует 1407 году по юлианскому календарю.

Купить: https://tn.knigapoisk.com/ru/kretova_evgeniya/vershiteli-chast-1-posoh-velesa

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)